

Валюта любви

18+

*Отважное путешествие к счастью,
уверенности и гармонии*

Julia Dodd

— ОСНОВАТЕЛЬНИЦА БРЕНДА ОДЕЖДЫ ДЛЯ
НЕЗАВИСИМЫХ ЖЕНЩИН ROXY

Мода. TRUESTORY

Джилл Додд

**Валюта любви. Отважное
путешествие к счастью,
уверенности и гармонии**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Додд Д.

Валюта любви. Отважное путешествие к счастью, уверенности и гармонии / Д. Додд — «Эксмо», 2017 — (Мода. TRUESTORY)

ISBN 978-5-04-091348-0

Эта вдохновляющая история рассказывает о падениях и триумфах женщины, не отказавшейся от своих амбиций и не потерявшей свободы духа. Из своего сложного путешествия от наложницы саудовского миллиардера до успешной бизнес-леди Джилл вынесла главный урок: ничто не стоит твоей внутренней гармонии и независимости.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091348-0

© Додд Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие автора	6
Пираты	7
Модельное агентство Wilhelmina Models	9
Французский язык для путешественников	11
Мой «План Парижа»	14
«Уста истины»	16
Адаптация	21
Парижские фотографии	23
Джулия на кушетке	27
Головастики	32
Девушка, которая одевается странно	37
Модельное агентство La Model	40
Витражи	45
Отель Andrea – отель Le Bon	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джилл Додд
Валюта любви. Отважное путешествие
к счастью, уверенности и гармонии

Для Натали и Стеллы

Jill Dodd

THE CURRENCY OF LOVE: A Courageous Journey to Finding the Love Within

Copyright © 2017 by Jill Dodd

The edition is published by arrangement with Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc.

© Романова Н.Е., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие автора

Во время написания этой книги я сверялась с сотнями писем, отправленных мною из Парижа своей семье и друзьям. Кроме этого, опиралась на дневники, которые вела в тот период. Еще одним источником воспоминаний стали тысячи фотографий, как личных, так и профессиональных; они возвращают меня к описываемым событиям. Когда требовалось восстановить точные даты и другие детали, изучала новостные статьи. Некоторые из главных героев любезно согласились прочитать мою рукопись, чтобы подтвердить правдивость рассказанной истории. Я изменила отдельные имена и фактические сведения о людях, изображенных в книге. В отдельных случаях опустила упоминание действующих лиц и событий, чтобы сделать повествование кратким и последовательным.

Я всегда счастлива у моря

Пираты

Август 1980 года, Канн, Франция

Земля скрипит под шинами, и мы подкатываем к стоянке.

– Мы на месте! – кричит Доминик.

Впятером проваливаемся в темноту и инстинктивно бредем на звуки музыки и свет мерцающих огней. Вдалеке виднеется огромное пламя.

– Где мы? – спрашиваю я.

Пеппер обхватывает меня, распевая на пьяном французском. Мы обе немного пошатываемся от горячительного, ранее принятого в бассейне, и шампанского, выпитого в лимузине. Приходится балансировать на пальцах, чтобы не споткнуться на каблуках. Я под кайфом и счастлива, что наконец-то наступил отпуск.

Доминик обнимает меня за талию:

– Джилл, это знаменитый старый Le Pirate, пошли!

Чем ближе мы подходим, тем громче становится музыка. Не могу поверить своим глазам – вижу ораву длинноволосых татуированных пиратов с обнаженными торсами, бьющих в тамбурины и бренчащих на гитарах. Трещит костер, поднимаясь вверх на двадцать футов и освещая ночное небо. Вверху другие пираты лезут по канатам с кинжалами, зажатыми в зубах. Картина напоминает сцену из «Пиратов Карибского моря», только тогда фильм еще не сняли.

Длинный стол искрится свечами, хрусталем и серебром. Во главе стола сидит молодая девушка с египетскими чертами: темные, экзотические глаза и черные волосы. Ее синее, расшитое бисером платье переливается в свете свечей. Мужчины и женщины рафинированного вида оживленно разговаривают. Раньше я, возможно, почувствовала бы себя не в своей тарелке, но после года работы моделью в Париже могу вписаться в любую среду. Внезапно встает хорошо одетый мужчина и швыряет в огонь свой бокал с шампанским. Другой парень бросает свой бокал на камни, и осколки хрусталя отлетают рикошетом. Адреналин пробегает по мне у разверзшейся обители демонов. Разумеется, я прыгаю прямо внутрь.

– Мне нравится это место! – кричу я Пеппер. – Это лучше, чем греческие рестораны в Сен-Жермене!

– В Голливуде таких мест нет, держу пари! – кричит она мне в ответ.

Почерневший от солнца толстый старый пират вручает каждой из нас по бокалу шампанского.

– Салют! – Я делаю глоток, а другой пират отодвигает стул для меня.

Доминик начинает представлять других гостей за столом, что не имеет смысла из-за грохота музыки. Тем не менее я пожимаю руки, киваю и улыбаюсь.

Пираты подают тарелки с печеным картофелем со сметаной и икрой. Никогда не пробовала икру и морщусь от соленого вкуса. Глотаю шампанское и бросаю стакан в огонь. Пират быстро приносит мне другой. Когда испанские гитары, тамбурины и барабаны ускоряют темп, меня тянет танцевать, а не есть, поэтому вскакиваю и бросаю в огонь свою тарелку.

В разгар этого безумия оборачиваюсь и замечаю человека, который наблюдает за мной, улыбаясь и слегка посмеиваясь. В обычной обстановке это выглядело бы гадко, но здесь все иначе. Я улыбаюсь в ответ и сажусь. Он приносит свой стул и ставит рядом с моим. Мужчина напоминает мне отца моей подруги, с которым я танцевала на свадьбе. Рада, что это не молодой парень, который попытается соблазнить меня. Он ниже меня ростом, с широкой грудью, лысеющий, что позволяет мне чувствовать контроль над ситуацией.

Не слышу ни одного его слова, поэтому он берет меня за руки и тянет танцевать. Мы кружимся вместе по пыльной земле, и вдруг он останавливается, хватая стул и бросает его в огонь. Мы наблюдаем, как пламя поглощает обугленный каркас. Он улыбается мне. Я прини-

маю вызов и бросаю в огонь другой стул. Мы смотрим друг на друга, смеемся и вновь, сомкнувшись, как два магнита, кружимся у огня под дикую цыганскую музыку.

Танцуем только мы. Все остальные пьют, едят и смеются за праздничным столом, создавая прекрасный фон для нашего маленького мирка. Музыканты снова кружат нас, и он вдвоем с пиратом берет меня за руки и за ноги и раскачивает взад и вперед, как тряпичную куклу. Я позволяю своей голове откинуться назад, задевая волосами землю, и смотрю на перевернутые языки пламени. Словно растворяюсь в атмосфере вечеринки, упиваясь свободой.

Они опускают меня на землю, и я, шатаясь, иду к столу. Пожилой мужчина с широкой улыбкой помогает мне сесть на стул, но остается стоять, наблюдая за мной. Затем он медленно садится, слегка наклоняясь к моему лицу и не сводя с меня глаз. Мы сидим, глядя друг на друга, и снова начинаем смеяться. Его сверкающие глаза полны жизни. Затем он нежно тянет мою левую руку, ладонью вверх, кладет ее на стол, подтягивает вверх мой рукав и пишет «я люблю тебя», кровью, вдоль моего предплечья. В первый момент даже не понимаю, что это кровь. Я ошарашена, но мне это нравится. Такое ощущение, будто мы заключили какой-то секретный союз.

Пират замечает кровь и уводит мужчину, чтобы наложить повязку. Пеппер где-то общается, а я сижу за многолюдным столом среди веселящихся, смеющихся гостей, пытаюсь переварить случившееся. Я уединяюсь в своем мирке, охмелевшая до головокружения и окруженная незнакомцами в этом безумном месте. Не перестаю смотреть на свою руку. Время замирает, а сердце парит, как птица. Мне нравится, что он написал «я люблю тебя», и не стираю надпись.

Не знаю, кто он, но в течение ближайших двух лет буду близко общаться с ним. Это Аднан Хашогги, миллиардер из Саудовской Аравии, занимающийся торговлей оружием.

Первая профессиональная съемка в Голливуде, 1978 год

Модельное агентство **Wilhelmina Models**

Сенчери-Сити, 1979 год

Вильгельмина Купер, или «Вилли», сидит напротив меня за столом и курит, листая мой портфолио. Живая легенда и тезка моего агентства Wilhelmina Models отправилась из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, чтобы встретиться со своими девушками с Западного побережья.

Из-за ее репутации гламурной нью-йоркской модели шестидесятых годов я представляла ее великолепной красавицей, статной и элегантной. Но хрупкая женщина, сидящая передо мной, на самом деле тощая, с землисто-серым цветом лица. Она держится холодно и сдержанно – ни грамма теплоты, ничего личного. Может быть, Нью-Йорк делает людей такими. Пытаюсь наладить с ней контакт, но мне это явно не удастся.

– Итак, Джилл, тебе нужно сбросить десять фунтов. Отрасти длинные волосы – и никакой челки.

Она взмахивает в мою сторону пальцами, в которых держит сигарету.

– Твои ногти должны быть длинными и ухоженными – всегда, – говорит она, делая затажку.

– Но у меня ногти очень тонкие, поэтому они не вырастают длинными. Я даю уроки плавания, и они постоянно намокают.

Это ее не интересует.

– Тогда наращивай акриловые. Ты могла бы хорошо поработать в рекламе купальных принадлежностей и нижнего белья. Думаю, тебе нужно провести какое-то время в Париже. Я позвоню нашему французскому агенту. Было приятно с тобой познакомиться.

Она протягивает мне портфолио, мыжимаем друг другу руки, и я выхожу уязвленная.

Руководитель моего агентства считает меня толстой, и ей не нравятся мои волосы. По-видимому, сто двадцать три фунта (56 кг) слишком много для моего роста в пять футов и четыре дюйма (176 см). Как мне быстро отрастить длинные волосы? Это займет годы!

В этот момент мой мир напоминает темный туннель отворачивания к себе. Я дура, если думала, что смогу работать моделью в Нью-Йорке!

Пробираясь по крытой парковке, размышляю о том, как морить себя голодом. В оцепенении еду в маникюрный салон, где маникюрша наносит на ногти слои токсичной эпоксидной смолы и полирует ее электрической шлифовальной машинкой. Мое сознание мечется между плохими идеями, самоедством и ужасными способами заглушить голод.

Ненавижу фальшивые ногти. Они заставляют меня испытывать клаустрофобию, словно я задыхаюсь, поэтому срываю их кусачками в ночь перед отъездом в Париж.

Парижская автостоянка, зима 1980 года

Французский язык для путешественников

Февраль 1980 года, из Международного аэропорта Лос-Анджелеса в аэропорт имени Шарля де Голля

Рядом со мной сидит девушка, она явно модель. Сужу об этом по ее нереально красивому, безупречному лицу. Возможно, она собирается работать моделью в Париже, как и я.

– Привет, я Джилл. Ты у кого?

– Я у Вилли. А ты?

Ее голубые глаза и пухлые губы имеют вполне товарный вид, а с такими длинными шоколадно-каштановыми волосами у нее не будет проблем. Хотела бы я, чтобы мои были такими же длинными.

– Я тоже, но никогда не видела тебя в агентстве. Извини, тебя как зовут?

– Скарлетт, я только что переехала из Портленда. Вот почему ты не видела меня.

Самолет набирает высоту, и салон заполняется сигаретным дымом, что мгновенно вызывает у меня пульсирующую головную боль. Я смотрю на Скарлетт.

– Ты ведь не куришь, правда?

– Нет! Это ужасно, я начинаю задыхаться.

Она машет рукой, пытаясь разогнать дымный туман перед своим лицом.

– Послушай, ты собираешься работать с Paris Planning? Ты знакома с Жеральдом? – спрашиваю я.

– Да, встречалась с ним в Лос-Анджелесе. Думаю, нас поселят в одном отеле.

– Хорошо! Рада, что нам не нужно делать это поодиночке.

– Тебе известно, что Жеральд выбрал только двух девушек из США для приезда в Париж, верно? – спрашивает она.

– Нет. Правда? – я сразу же чувствую себя польщенной, но задаюсь вопросом, действительно ли это так.

Вытаскиваю из сумки свою книгу «Французский язык для путешественников». Хочу узнать, как сказать «привет», «пожалуйста» и «спасибо». Скарлетт уткнулась носом в любовный роман с сексуальной женщиной и хмурым мужчиной на обложке.

Все пытались отговорить меня от поездки в Париж, кроме агентства и Аллейн, которая наставляла меня:

– Овечка, лучший способ описать французов – это если в комнате будет проклятая труба, они оклеят ее обоями. У них есть генетическая потребность все украшать. Ох, а зимой там холодно до чертиков. Я имею в виду, Чопперс, если ты поедешь в Париж зимой, то отморозишь свою задницу.

Аллейн – реалистка. И – да, это зима – февраль, чтобы быть точной. Аллейн – единственная из моих знакомых, побывавшая в Париже. Нервничаю – и не только о погоде. Я нахожусь на задании, чтобы поддержать себя финансово, и моя потребность в свободе и независимости сильнее страха, стучащего в висок. Кроме того, я научилась преодолевать страх и сбрасывать беспокойство, пока не перестану его ощущать. Намерена справляться со всем самостоятельно. Просто обязана. И настроена никогда больше не зависеть от кого-либо. Я должна быть свободна. Мне необходимо поддерживать себя в финансовом отношении и создавать свою жизнь на собственных условиях.

После одиннадцати часов полета, без сна, мы приземляемся за полночь в аэропорту Шарля де Голля, который оформлен в духе «Земли будущего» в Диснейленде. Пассажиры из других стран, названия которых даже не могу себе представить, штабелями спят на полу.

Мы волочим наши тяжелые, набитые чемоданы мимо спящих в вагон RER¹, который везет нас в центр Парижа. Поезд с шумом проносится в темном туннеле; смотрю на Скарлетт сквозь кровавую мглу.

– Я не останусь здесь больше месяца, максимум двух.

– Я тоже.

Наш поезд резко останавливается. Мы выходим и блуждаем в тусклом подземном лабиринте метро под Парижем.

– Что означает «sortie»? – спрашивает Скарлетт, глядя вверх.

– Не знаю, – говорю я встревоженно. Мы перетаскиваем наши огромные сумки из одного туннеля в другой, вверх и вниз по тысяче ступеней, пытаюсь сдвинуть с места каждый закрытый турникет и дверь из нержавеющей стали. Метро закрывается ночью, и мы заперты. Стою перед парой стальных дверей и решаю их перескочить. Оглядываюсь назад, на лице Скарлетт написано: «ни за что».

– Пойдем, я помогу тебе, – упрашиваю я.

Я не заметила, насколько она миниатюрная, может быть, всего пять футов и четыре дюйма (163 см). Она закатывает глаза и наконец карабкается на турникет с той стороны, где вставляется билет, затем забрасывает ногу на стальную дверцу и скользит вниз по противоположной стороне. Поднимаю багаж, перетаскиваю на другую сторону, взбираюсь вверх и спрыгиваю.

Мы блуждаем по лабиринту, который кажется нам милями туннелей и тысячами шагов, пока не услышим звук автомобилей, проезжающих по мокрой улице наверху. Поднявшись на последний лестничный пролет, перетаскивая наши тяжелые сумки со ступеньки на ступеньку, мы наконец-то выходим на улицу. Как и говорила Аллейн, Париж чертовски холодный – к тому же дождливый и ветреный.

Вскоре нас, машущих в темноте, замечает такси, и мы передаем водителю адрес.

– Ah oui, Saint-Germain (Ах да, Сен-Жермен. – *Фр.*).

Он выскакивает из машины и кладет наши чемоданы в багажник.

– Allez, les filles, allons-y! (Ну, девочки, давайте, поехали!)

Мы садимся, и он жмет на газ.

Пока мы мчимся по улицам Парижа, его абсолютная красота избавляет от сонного, капризного недовольства и пленяет меня. Мы поворачиваем за угол, и сквозь туман вижу окаймленную деревьями Сену, сияющую мрачной чернотой, в которой отражаются уличные фонари и освещение мостов. Грандиозные дворцы подсвечены со всех сторон. При виде этого великолепия центр Лос-Анджелеса напоминает мне апокалипсис.

Такси останавливается возле отеля, который французское агентство забронировало для нас. Дверь заперта, поэтому нажимаем на звонок. С глухим стуком открывается толстая деревянная панель, за ней появляется взъерошенный полусонный мужчина в пижаме. Он жестом приглашает следовать за ним, и мы тянем наши сумки вверх по четырем пролетам скрипучей лестницы в маленькую комнату с одной небольшой кроватью, биде, раковиной, без туалета. Человек исчезает, мы падаем в постель и выключаем свет.

– Сколько тебе лет, Джилл? – тихо спрашивает Скарлетт.

– Недавно исполнилось двадцать, в октябре.

– Ты можешь хранить секреты? – спрашивает она.

– Да, конечно.

– Я солгала в агентстве. Мне не двадцать один.

Я смотрю в темноте на потолок.

– Так. Ну и сколько тебе лет?

¹ Система скоростного общественного транспорта, обслуживающая Париж и его пригороды. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– А на сколько я выгляжу? – нерешительно говорит она.

– Не знаю, может, двадцать четыре? Максимум, что я могу предположить.

– Нет. Мне двадцать восемь, и всего пять футов и четыре дюйма. Мне страшно оказаться здесь. Когда встречалась с Жеральдом, мы сидели. В основном я занимаюсь рекламой товаров для лица и волос, но не уверена, что трюк сработает. Как ты думаешь, они отправят меня домой?

– Прежде всего, ты не выглядишь даже примерно на двадцать восемь, ты такая хорошенькая и отлично справишься. Я прямо вижу, как ты сражаешь всех наповал своей внешностью. Надеюсь, мы обе останемся.

Парижская улица, зима 1980 года

Мой «План Парижа»

Европейские полицейские сирены и сигнализирующие машины утром выводят меня из комы. В комнате так холодно, что мое лицо онемело. Краем глаза вижу трубу, которая идет вдоль стены. Она покрыта выцветшими цветочными обоями, такими же, как на стенах. С улыбкой думаю об Аллейн.

Город мерцает в утреннем тумане, а наше такси мчится через Пон-Неф и дальше вверх по улице Риволи. Офис фирмы Paris Planning находится в доме 29 по улице Тронше, на одном конце которой находится церковь Ла-Мадлен, а на другом – галерея Лафайет. Огромная деревянная дверь ведет в мощный булыжником двор. Поднимаемся по старой лестнице на второй этаж, где блестящая медная доска на двери гласит: PARIS PLANNING MODELS.

За дверью нас ждет грохочущая клубная музыка, телефонные звонки и вопли на французском языке. Совершенно белое, современное, спокойное с виду пространство – какое угодно, только не спокойное. Громкоголосые, говорливые агенты отвечают на телефонные звонки за высокой стойкой, которая тянется по всей длине узкой комнаты, а напротив – стена с окнами и полками, уставленными композитками моделей. Каждая композитка с логотипом Paris Planning, или карта, содержит снимки модных фотосессий, портретные снимки, фотографии в полный рост, с указанием имени и физических параметров модели, как на аукционе или в офисе агентства недвижимости.

Жеральд, глава Paris Planning, подходит к нам и приветствует широкой улыбкой.

– Bonjour, les filles (Здравствуйте, девушки), вижу, вы уже в Париже! Как спалось? Вы, девочки, готовы работать?

У него сильный французский акцент. Он целует нас в обе щеки. Жеральд красивее, чем запомнился мне. Уверенный, немного дерзкий, но это подходит ему и выглядит естественно. Даже его кривые, прокуренные зубы выглядят круто. Растрепанные каштановые кудри спадают вокруг его лица, мимические морщины обрамляют озорную ухмылку и голубые глаза. Я думала, что черные кожаные штаны и байкерские куртки носят только рок-звезды. Это уже не так.

– Вот ваши букеры. – Он жестом показывает на стойку. – У вас есть Ивлин, Изабель, Жаклин и, наконец, но не в последнюю очередь, Пеппер.

Ее конторка в конце. Она перегибается через стойку, чтобы пожать нам руки, держа телефон возле уха, а ручку во рту.

– Bonjour, ladies (Добрый день, леди), – мурлычет она с хрипотцой и преувеличенным акцентом.

Жеральд продолжает:

– Ваши почтовые ящики здесь, а там дальше мужское агентство, Francois Lano. Пеппер предоставит вам список просмотров. По любым вопросам обращайтесь к ней. Увидимся позже.

Он целует нас в щеки и возвращается к своему компьютеру.

Пеппер слегка опускает веки.

– Дайте мне ваши буки, девочки.

На этот раз она говорит с американским южным акцентом, растягивая слова. Она маленькая, с каштановыми волосами, голубыми глазами и высокомерно вздернутым курносым носом, который можно назвать уродливым, но при этом он выглядит сексуально. На ней зеленый свитер, спущенный с плеч, узкая черная юбка, чулки в сетку и туфли на каблуках. Мне нравится ее макияж – жидкая черная подводка для глаз, матовые красные губы.

Она изучает мое портфолио и, к моему ужасу, начинает удалять самую лучшую работу. И вручает мне новое белое портфолио Paris Planning с четырьмя кадрами в пластиковых карманах.

– Как мне работать с четырьмя фотографиями в моем буке? – спрашиваю я.

Она игнорирует мой вопрос и передает мне список из одиннадцати просмотров, что явно многовато для первого дня. У Скарлетт их всего три. Я пытаюсь скрыть свое замешательство.

– Сходите в книжный магазин и купите Plan de Paris («План Парижа»). Это карта со всеми улицами Парижа, которая будет вашей библией. Если вам понадобится туалет, воспользуйтесь туалетами в кафе.

– Мы должны что-то купить, прежде чем воспользуемся их туалетом? Они не рассердятся? – спрашиваю я.

– Нет. О, включая и чаевые. Если хотите, вы можете провести весь день в кафе. Удачи.

Она берет телефон и показывает нам спину.

Я так расстроена и смущена сценой в агентстве: Жеральд, сам Мистер Красота и Очарование, и Пеппер, воплощение заносчивости и отчужденности, раздирающая мое портфолио, – что поскользнулась на куче собачьего дерьма по дороге в книжный магазин. Парижане не убивают собачье говно. Если мой бук настолько плох, зачем они вообще пригласили меня?

Мы находим книжный магазин и маленький темно-бордовый «План Парижа». Кассир по-французски рычит сердитые слова, когда выписываю дорожный чек. Понимаю, что ему нужны наличные деньги, но я их еще не получила. «План Парижа» похож на атласы из серии Thomas Guide, которыми пользуюсь дома, только на французском языке.

– Удачи сегодня, Скарлетт.

Я обнимаю ее.

– И тебе того же.

Мы выразительно закатываем глаза, в смысле «к черту!». Она отправляется на встречи, связанные с рекламой средств для лица и волос, а я устремляюсь на модные показы. Неуверенно спускаюсь в метро, которое теперь напоминает настоящий улей по сравнению с тишиной прошлой ночи. Все носятся туда-сюда, глядя прямо перед собой. Никто не приветствует и не улыбается друг другу, как это принято в Калифорнии. Одна сплошная деловитость.

На первом крутом повороте врезаюсь в какого-то лоснящегося мужчину. Извиняюсь на английском языке и хватаюсь за поручень.

Моя композитка в агентстве Paris Planning

«Уста истины»

Фотостудии в Лос-Анджелесе, как известно, трудно найти. Фотографы не хотят, чтобы воры похитили их дорогостоящее оборудование, поэтому они прячутся за обычными стенами без вывесок. Париж поднимает это искусство маскировки на новый уровень.

Но прежде мне надо найти нужную платформу и станцию, потом выйти и сделать несколько пересадок, отыскать выход и идти в правильном направлении квартал за кварталом, разыскивая улицу, адрес, дверь и человека, – не зная ни слова по-французски, и это притом, что парижане в 1980 году отказываются говорить по-английски. Поразительно, но я успеваю к 10 часам на встречу в журнале Elle в старом каменном особняке.

Секретарь приемной сопровождает меня в похожую на пещеру белую комнату с вращающимися стойками для одежды. Обувь и аксессуары лежат прямо на полу. Маленькая женщина, вероятно за тридцать, входит нахмурившись, глядя на часы. Я пока еще не знаю, что в Париже приходить вовремя невежливо. «Вовремя» в Париже означает на пятнадцать минут позже. Она вручает мне платье. Не вижу гардеробной, поэтому переодеваюсь на месте, пока она просматривает мою подборку фотографий.

В Лос-Анджелесе я привыкла к клиентам, которым нравилась, поэтому, хотя и нервничаю, тем не менее испытываю оптимизм. Меня поражает мысль о том, что если этой леди я понравлюсь, то смогу сняться для Elle и привезти великолепные снимки прямо в Нью-Йорк и добиться успеха. Но ничего подобного не происходит.

Она смотрит на мой бук, потом на меня, отрицательно качает головой, зажигает сигарету и предлагает мне покурить. Я кручусь, и она снова выражает недовольство, говоря:

– Non, ce n'est pas bien. Merci, au revoir (Нет, это не хорошо. Спасибо, до свидания).

Меня не взяли. Даже не сделали ни одного полароидного снимка. Когда она выходит из комнаты, мелькает вопрос: есть ли шанс, что она передумает? Может быть, она позвонит в агентство и на самом деле наймет меня. Может быть. Нет.

Пытаюсь собраться и сосредоточиться на том, как найти дорогу к моему следующему просмотру. Не представляю, куда иду. Более того, у меня еще десять встреч в этом городе-лабиринте. Шагаю по улице, расстроенная, как вдруг из-за двери выскакивает грязный человек с дредами и сует мне в лицо окровавленную, дергающуюся крысу. Я визжу, и он раздражается дьявольским смехом. Что за идиотские фокусы? Я убегаю, а он преследует меня целый квартал с окровавленной крысой в руках.

Успеваю на следующий просмотр в студию, где собрались примерно пятьдесят других девушек. Все они американки, канадки и европейки. Ни одной азиатки, африканки, индианки или латиноамериканки. Жду два часа. Три женщины и один мужчина, очевидно фотограф, просматривают мой бук, указывая на фотографии. Они смотрят на меня и говорят по-французски. Хотела бы я понимать их. Интонация не слишком оптимистичная. Представляю себе худшее. Они вручают мне мой бук с фразой «Merci, au revoir» («Спасибо, до свидания»).

Около полудня хочу поесть и пописать и ныряю в кафе, где густой, влажный воздух воняет мокрой собачьей шерстью, сигаретами, выдохшимся ликером и старой мочой. Со временем буду тосковать по этим прогорклым запахам кафе, но только не сегодня. Достая свой разговорник «Французский для путешественников» и обращаюсь к официанту: «Кофе, пажала сто». Он отходит и крутит руками в воздухе. Я вывожу его из равновесия.

Спрашиваю человека за стойкой, где находится туалет. Он указывает на лестницу. Спускаюсь и нахожу крошечную кабинку с фаянсовым полом. По обеим сторонам от ямы есть скользкие приступки для ног. Стягиваю джинсы и приседаю над отверстием. Туалетной бумаги нет. Страхиваю капли и ухожу голодной.

Я продолжаю таскаться по показам, каждый следующий оказывается все более удручающим. И не получаю не только одобрения, даже не удостоиваюсь улыбки. Мне достаются грубые, холодные люди, указывающие на мои недостатки и шепчущиеся обо мне по-французски.

После провального дня в сумерках поднимаюсь по лестнице, ведущей из метро. Чувствую себя потерянной, голодной, усталой и разбитой. Прерывисто вздыхаю и на выдохе начинаю рыдать. Париж отверг меня. О чем я только думала? Это место – ад!

Вокруг сгущается темнота. Стою на углу и плачу, сильно, но беззвучно. Я могу сдерживать голос моей печали, но не могу контролировать потоки слез, учащенное дыхание или пульсирующую боль в голове. Никогда в жизни не чувствовала себя такой неудачницей, кроме, может быть, одного случая в шестом классе, когда все одноклассники опрокинули свои мусорные корзины на мою голову в день сбора мусора. Все против меня. Я фрик. Им нужно совсем другое. Я уродливая, грязная и дефективная. А не красивая, свежая и любимая.

Как мне быть? Если сдамся и вернусь в Лос-Анджелес, все равно не смогу заработать на приличную жизнь. Я должна справиться. Не могу сдать. Мне нужны эти фотографии, чтобы поехать в Нью-Йорк. Если добьюсь успеха в Нью-Йорке, у меня будет достаточно денег, чтобы жить независимо и свободно. Я не отказываюсь от своей цели. А вдруг не справлюсь? Что мне тогда делать?

Пропускаю последние две встречи и ловлю такси до отеля, плача всю дорогу.

Вхожу в холл отеля, останавливаюсь и осматриваюсь. Замечаю, какое все грязное и запущенное, от облезлых обоев до потрескавшихся напольных плит. Менеджер поднимается из-за стойки, поражая меня. Он показывает на себя пальцем и, улыбаясь, говорит:

– Жан-Поль.

Его выющиеся волосы цвета «соли с перцем» торчат во все стороны, напоминая птичье гнездо. На нем сморщенная одежда, которая велика ему на четыре размера, а брюки, подвернутые на лодыжках, явно принадлежат кому-то другому. Очевидно, он одевается из коробки с вещами, оставленными или потерянными в отеле.

– Я – Джилл.

Указываю на себя и пытаюсь перестать всхлипывать. Он обходит стойку и целует меня в обе щеки своим жирным, небритым, колючим лицом, и эта попытка утешить и заставляет меня рыдать еще сильнее.

Он замечает, что я смотрю на длинные тонкие иглы, которые выступают у него на лбу и ушах, и поправляет волосы, пытаясь скрыть их.

– Je souffre de migraines. C'est l'acupuncture (Я страдаю от мигреней. Это иглоукалывание), – говорит он и вручает мне мой ключ с грязной кисточкой винно-красного цвета.

– Спасибо.

Я направляюсь к лестнице и глубоко вздыхаю. Пока поднимаюсь на четвертый этаж, мечтаю о горячей ванне. Если в этом отеле нет отопления, в нем должна быть горячая вода, верно? Хватаю белое отутюженное льняное полотенце для рук из моей комнаты и иду через холл к Salle De Bains (ванной комнате).

Вхожу в ванную и включаю горячую воду, но даже после долгого времени она все еще леденяще холодная. Мою самые важные места и вытираюсь крошечным полотенцем. Замерзая, бегом возвращаюсь в свою комнату и прыгаю под одеяло. Я пережила первый день. С трудом.

* * *

Я выскакиваю из постели и писаю в биде. Черт побери эту морозильную прихожую. Сегодня суббота – а значит, мое лицо и моя задница сегодня принадлежат мне.

Хватаю с пола холодные джинсы Levi's. Мои натруженные колени болят. От прогулок по гранитным тротуарам целыми днями на каблуках или даже в обуви на плоской подошве

мои коленные суставы распухли, и теперь они настолько тугие, что едва могу их согнуть. Годы спустя я узнала, что у меня генетическая болезнь соединительной ткани, называемая синдромом Элерса-Данлоса. Прокалываю английской булавкой водяные мозоли на ногах и натягиваю теннисные туфли.

Завтрак проходит в подвале, за грубо отесанной известняковой аркой. Я подныриваю под нее, но Скарлетт проплывает прямо. Мы садимся за один из небольших столиков среди других иностранных гостей. Пытаюсь представить себе тысячи постояльцев, которые, должно быть, раньше уже ели здесь, и это заставляет меня чувствовать себя в относительной безопасности.

Входит Жан-Поль с широкой улыбкой и приносит наши *cafés au lait* (кофе с молоком), теплые багеты и треугольнички мягкого сыра. Я намазываю на теплый хлеб масло и абрикосовый джем и вгрызаюсь в него. Никогда-никогда в моей жизни не пробовала такой вкусный хлеб. Съедаю весь шестидюймовый ломоть. Французский багет скоро станет огромным источником стресса, поскольку он всегда доступен, дешев и чертовски хорош.

– Все это я не ем. Съем половину. Без масла и джема, – говорит Скарлетт. Затем она кладет свой сыр на середину стола.

– Можно мне взять твой сыр? – спрашиваю я.

Туристы за другим столиком выразительно смотрят на нас, зная, что по нашей вине выбился электрический щиток отеля. Американский фен оказался ему не по силам.

Я кутаюсь в свою нелепую, длинную пурпурную пуховую куртку на гусином пуху, а Скарлетт натягивает на себя одежду для альпинисток. Мое лицо цепенеет от холода, когда мы гуляем по улицам, где царит покой по сравнению с сутолокой рабочей недели. Мы бесцельно бродим и доходим до Люксембургского сада. Так приятно просто гулять и разговаривать – никаких просмотров и ни на кого не нужно производить впечатление.

– Сколько ты пробыла в Лос-Анджелесе? – спрашиваю я.

– Всего пару месяцев.

– Итак, ты приехала, чтобы работать моделью? Наверное, в Портленде не особо много работы для моделей, верно?

– Нет, там этим не занимаются, – смеется она, – но на самом деле я приехала в Лос-Анджелес в школу косметологии.

– Правда?

– Я училась на визажиста, но кто-то из школы сказал, что мне нужно рекламировать товары для лица и волос. Поэтому прошла собеседование в «Вильгельмине», и они заключили со мной контракт.

– Это потрясающе! А ты действительно любишь делать макияж?

– Да! Я собираюсь заниматься этим снова, когда закончу работать моделью.

– Ты не могла бы сделать мне макияж как-нибудь?

– Конечно! – улыбается она.

Во время прогулки я забрасываю ее вопросами, пока мы не останавливаемся перед мраморной статуей под названием *La Bocca della Verità* – «Уста истины». Как гласит легенда, если вы произнесете ложь, держа руку у нее во рту, она ее откусит. Статуя игривая и красивая.

Никогда не видела такого высокого искусства ню. Там нет сексуальной вибрации, как у соблазнительных голых женщин из коллекции моего отца в гараже и в нашей берлоге. Эта изящная обнаженная женщина не заставляет меня испытывать неловкость; она вызывает положительные эмоции. Хочу быть похожей на нее, отдавая должное ее игривому, женственному духу, а не только ее красоте и сексуальности.

Мы блуждаем по фермерскому рынку под открытым небом, с ярко-оранжевой морковью и рубиново-красной свеклой, такими свежими, что к ним еще прилипла земля. Лук, карто-

фель и лук-порей переполняют деревянные ящики. Не знаю, что такое «fromagerie»², но здесь искусно устроены и уложены маленькие горки крошечных сыров всех мыслимых оттенков желтого, кремового и оранжевого. Поставщики с гордостью смотрят на свою продукцию. Ничего похожего не увидишь в супермаркетах у нас дома.

– Bonjour mademoiselles! (Добрый день, девушки), – кричат мясники в фартуках, залитых кровью, когда мы проходим мимо мясного прилавка. Огромные куски мяса висят над головой. Мы хихикаем над чучелами уток, которые выставлены напоказ.

Валюта – для меня загадка, поэтому, расплачиваясь за товары, показываю продавцу свои банкноты и монеты. Они берут нужное количество и дают сдачи, великодушно обучая меня пользоваться французскими деньгами. Вскоре у меня оказываются пакеты со свежим йогуртом, сыром, фруктами, хлебом и пыльной бутылкой домашнего вина за один франк.

Мы со Скарлетт медленно возвращаемся в отель. Я привязываю свой пакет с йогуртом и сыром за окном, на перилах балкона, надеясь, что голуби не украдут его. Кому нужен холодильник в такую погоду?

Мы вырываем страницы из моего дневника и делаем доску для игры в нарды. Таблетки аспирина и монеты – наши игровые шашки. Мы играем часами, вместо бросания костей поочередно вытягивая вырезки с написанными от руки номерами из пустого контейнера из-под йогурта. Смотрю на милое лицо Скарлетт и испытываю глубокую благодарность за то, что она рядом со мной. Пока мы играем, я как бы отстраняюсь, чтобы взглянуть на эту сцену со стороны...

Я в своей любимой коричнево-белой мужской фланелевой пижаме, шерстяном свитере и трех парах носков. Скарлетт тоже закутана в свое ярко-красное пальто и лыжную шапочку. Даже при всех противостояниях и трудностях испытываю что-то совершенно новое. Нет ни одной души, которая наблюдала бы за мной и говорила, что мне делать. Нет домашних правил. Могу делать что хочу и когда захочу, и никто меня не опекает. Отсутствие давления со стороны сверстников, отсутствие родительского диктата и даже влияния друзей и подруг. Я совершенно неизвестна, анонимна. Абсолютно новое чувство свободы наполняет все мое существо, когда вижу себя улыбающейся и спокойной. И делаю именно то, что хочу в этот момент. Я свободна.

² На рынке: сырный ряд.

Хлеб и вино, нарды с аспирином и монетами, Париж, зима 1980 года

Адаптация

По мере того как один напряженный день собеседований перетекает в другой, чувствую, что мое тело становится заложником Парижа, а мой разум покинул меня и застрял в Лос-Анджелесе. Мне одиноко. Я расстроена и скучаю по всему, что связано с Америкой. Париж потребовал большей перестройки, чем мне представлялось. В основном это касается обычных вещей, которых мне не хватает, например мягкой туалетной бумаги или меню, которое могу прочитать.

В Лос-Анджелесе всегда жарко, но в Париже водосточные желоба заморожены и запечатаны кристаллами льда. И дождь! Никогда не видела столько дождя. Темное небо покрыто пеленой серых облаков. Это шокирует, если ты привыкла к солнечному голубому небу Калифорнии, – и действует довольно удручающе.

Для меня в порядке вещей повсюду носиться на своем красном спортивном автомобиле, от пляжа до города, в клубы и рестораны, а также в гости к друзьям. Здесь же нужно идти пешком и сесть на метро, которое никогда не подъезжает близко к тому месту, куда направляюсь, так что мне опять приходится идти пешком. У себя дома я отлично ориентируюсь, но здесь всегда теряюсь и путаюсь.

В Лос-Анджелесе я питалась здоровыми салатами в барах и вкусными блюдами мексиканской кухни. Здесь ем хлеб, сыр и вино, и мой живот постоянно раздут. Французские бистро не предлагают полезных салатов, только жирные немецкие колбаски, бутерброды из багетов и готовые бутерброды «сгоque monsieur» – хлеб, начиненный жирными сырами, маслом и ветчиной. Чувствую себя ожиревшей, но не могу ходить в спортзал. Здесь нет спортзалов. Во всяком случае, не могу их найти. Я привыкла заниматься по три раза в неделю плюс плавание. Похоже, мои мышцы тают, за исключением ног из-за этой ходьбы. Хотелось бы позволить себе машину, но я не знаю города и не могу объясниться по-французски. Смогу ли прочитать дорожные указатели, пройти тест на вождение или купить машину?

Дома я вписываюсь в среду. Здесь же выделяюсь, словно урод, фрик. Не знаю, как одеваться, не могу связать двух слов на этом языке и не понимаю здешний модельный рынок. Это все так не похоже на Лос-Анджелес.

Всю неделю мотаюсь по просмотрам, тем не менее не могу привыкнуть к появлению у меня свободного времени. Обычно я провожу досуг со своими друзьями во время перерывов в работе. Не знаю, куда направить мою нервную энергию, но ее необходимо выпускать, поэтому начинаю писать в кафе – помногу. Сижу между собеседованиями, пишу письма домой или делаю записи в своем дневнике. Иногда сижу, уставившись в окно, и смотрю на устало бредущих людей. Никогда в жизни так много не писала и не сидела так долго в молчании!

Накануне отъезда из США я рассталась с Джеком и скучаю по сексу. Мне нелегко заниматься сексом. Джек был первым моим мальчиком, с которым я спала. У меня с сексом сложные отношения. Боюсь и жажду его одновременно.

Тоскую по своим друзьям, тоскую по солнцу, тоскую по своей машине и ненавижу отели. Я так скучаю по английской речи, что езжу в отделение «Американского легиона» в Париже, чтобы поговорить со старыми ветеранами войны.

Мое любимое напоминание о доме, которое мне удалось найти, это ресторан под названием Joe Allen, потому что там все на английском. Даже официанты говорят на ломаном английском, хотя с сильным французским акцентом. Всегда заказываю одно и то же: морковно-имбирный суп, а потом теплое шоколадное пирожное «брауни», увенчанное горкой взбитых сливок. Ем медленно, наслаждаясь тем, что обстановка немного напоминает дом.

Невзгоды в Париже, зима 1980

Парижские фотографии

Моя первая съемка – для журнала Paris Match, который я считаю журналом мод, но позже узнаю, что он ближе к Newsweek. Студию Pin-Up на авеню Жан-Мулен не так легко найти под проливным дождем. Чтобы защититься от ливня, прикрываюсь своим белым виниловым портфелем, вместо того чтобы купить зонтик.

Внутри гремит песня The Wall группы Pink Floyd и стоит гомон стилистов. В воздухе висит запах сигарет и эспresso. Студия похожа на пещеру, с высокими потолками и белыми стенами. Здесь нет выцветших обоев и антикварных вещей из дерева.

– Bonjour! Commencez les cheveux et le maquillage, s'il vous plaît («Привет! Начинайте делать прическу и макияж, пожалуйста»), – кричит мне фотограф и возвращается к настройке освещения.

– Привет, – говорю я, направляюсь в гримерную с зеркальными стенами и прозрачными круглыми лампочками и сажусь среди других моделей. Парикмахер накручивает мои волосы на термобигуди, в это время подбегает визажист, без умолку болтая на французском. Он вбивает маскирующее средство под глазами, покрывает мое лицо тональным кремом, кистью наносит румяна, затем тени для век, подводку для глаз и тушь для ресниц. Твердой рукой обводит мои губы и заполняет контур губной помадой и блеском. После того как парикмахер пробегает руками по моим волосам, я готова к съемке.

Фотограф показывает, чтобы я спустила с плеч, чуть выше груди, свою футболку с V-образным вырезом, что всегда означает съемку лица. Сегодня никакой великолепной одежды.

Чувствовать себя комфортно в обнаженном виде привыкаешь постепенно. Для меня это началось с жаркого детства в Лос-Анджелесе, где я постоянно бегала в своем бикини. Затем, когда работала инструктором по плаванию, бикини было моей униформой. Когда работала в качестве модели для компании купальных костюмов, моя грудь и задница служили инструментами – приспособлениями для раскроя, по которым задавалась форма идеально сидящих купальников. Я научилась отделять свое тело от своего внутреннего «я». Воспринимаю тело как инструмент с большим количеством применений – от создания ладно сидящих купальников до продвижения продуктов. Я использую свое тело, чтобы зарабатывать деньги, рекламируя все – от купальников и спортивной одежды до мыла и соды. Иногда это сбивает с толку, потому что бывают моменты, когда мне нужно дистанцироваться, например на работе или если мужчины глазят на меня, но есть и другие моменты, когда мне нужно почувствовать связь с моим телом, чтобы испытывать мир и покой. И эти моменты происходят постоянно.

Во время натурных съемок в Калифорнии мы переодевались в общественных местах, на пляже под полотенцем или в автомобилях. На дефиле мужские и женские модели, визажисты, стилисты и дизайнеры работают за кулисами, пока я стою в крошечных стрингах «танга», без бюстгалтера, потому что нельзя отвлекать внимание от одежды на высматривание нательного белья. Нагота перестает быть большой проблемой на работе, где совсем другая ситуация, чем мое сумасшедшее смешанное отношение к сексу. Во всяком случае, мы все там только ради того, чтобы делать свою работу.

Меня подводят к широкой круговой композиции из обуви, разложенной на полу. Ступаю на цыпочках по нетронутой белой студийной бумаге, стараясь не оставлять следа, и занимаю такое положение, чтобы моя голова попала в центр композиции, как велено.

У французского стилиста растрепанные рыжие волосы, густая черная подводка глаз и красные губы. Она носит джинсы Levi's 501s и розовую толстовку, туго опоясанную на талии. Она ползает на четвереньках, раскладывая обувь вокруг моей головы наподобие перьев павлина. Бетонный пол под бумагой кажется куском льда на моей спине. Помощник фотографа

держит над моим лицом световой индикатор с поп-сигналом. Он сообщает цифры фотографу, который висит надо мной на лестнице, делая пробные снимки полароидом.

Когда он наконец доволен результатом, то переключается на свою 35-миллиметровую камеру и начинает шелкать.

– Bien, bon travail. Regardez-moi («Ну, хорошая работа. Посмотри на меня»).

Каждый раз вспышка сопровождается громким хлопком.

Я игнорирую холодный пол и свою голову в окружении обуви. Глядя прямо в стеклянные линзы камеры, притворяюсь, будто смотрю на лучшего друга или кого-то, кого люблю. Поскольку камера улавливает все мои эмоции, изо всех сил сосредоточиваюсь на мирных помыслах. И всякий раз, когда улыбаюсь, фотограф начинает кричать: “Ferme ta bouche!” («Закрой рот!»). Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что в Париже не следует улыбаться на камеру, как хотели от меня в Голливуде.

Никто не учит вас, как работать моделью. Приходится все постигать самой. Каждая съемка – это возможность узнать освещение и ракурсы, которые могут преобразить или испортить мое лицо, тело и одежду, которую пытаюсь рекламировать. Каждая новая работа имеет новый набор персонажей, инструментов и проблем, на которых можно учиться.

У любой модели есть эффектная поза и проверенный практикой ракурс. Точно так же, у как Бена Стиллера с его взглядом «голубая сталь» в фильме «Образцовый самец», у всех нас есть ракурс, который, как мы знаем, работает каждый раз. Мы узнаем, как располагать наше лицо в строго очерченной плоскости напротив объектива камеры. Это заставляет каждую черточку нашего лица выглядеть так, как нам нужно. Вам нужны пухлые губы? Придвиньте их ближе к камере. Тонкие бедра? Встаньте в пол-оборота. Знание вашего тела и умение правильно подать его имеет ключевое значение и определенно является необходимым навыком.

Моя следующая работа – реклама моющего средства; я одета в милую розовую блузку на пуговицах спереди, чтобы выглядеть как французская домохозяйка. Я ворочу нос от кучи грязного белья на одном снимке и с радостью держу их товар на следующем. С фотографиями товаров легко работать, потому что они больше сосредоточены на идеальном освещении, чем на моих недостатках.

Затем снимаюсь в бюстгальтере для кормящих матерей, держа прелестного ребенка. Я немного молода, чтобы быть кормящей матерью, но, поскольку мне платят, это меня не волнует. Конечно, ни одна из этих работ не войдет в мой бук. Они не произвели бы впечатления на нью-йоркских редакторов или фотографов, работающих в индустрии моды.

Наконец-то меня отправляют в фирму Dior для просмотра на подиуме. Район невероятно чистый по сравнению с моим, который бурлит рабочим людом, иммигрантами и туристами. Шикарные апартаменты расположены по обеим сторонам авеню Монтень. Пожилые люди в дорогой одежде обедают в бистро с полированными латунными перилами. Эти рестораны совсем иного уровня, чем те, где бываю я.

Охранник в униформе открывает дверь в доме 30 по авеню Монтень, а дальше пожилая женщина в белом халате провожает меня через бутик и дальше вверх по изогнутой белой мармориной лестнице, ведущей в ателье.

Никогда не видела изделия Christian Dior воочию, только в журналах. Здесь так много прекрасных вещей, к которым мне хотелось бы прикоснуться и примерить, но я не осмеливаюсь спросить. Как бы то ни было, «кутюр» для богатых пожилых дам, а не для бедствующих моделей. Стены дизайнерской комнаты покрыты иллюстрациями модной одежды, подписанными Марком Боаном, дизайнером Дома Диор. Его имя мне известно благодаря многолетнему изучению журнала Vogue.

Появляются еще четыре модели, и все мы необычайно спокойны. Dior создает серьезный настрой, как в храме.

Стилисты перелистывают наши буки, перешептываются по-французски, а затем протягивают нам платья, которые нужно надеть. Когда мы выходим из раздевалок, они жестом приглашают нас пройти по комнате, и тут я паникую, потому что не владею европейской походкой по подиуму. Много раз я выходила на показах в Лос-Анджелесе, но здесь Paris Haute Couture – совсем другой класс дефиле и стиля.

Одна из девушек, участница конкурса красоты, мисс Миссури или что-то в этом роде, уверенно шагает первой, походкой в духе пышного зрелища, которая выглядит смешно в ателье Dior. Я устремляюсь вслед и иду с еще меньшей грацией, чем модель с конкурса красоты. Затем третья девушка направляется вперед; она словно плывет, элегантная, с отсутствующим выражением лица, демонстрируя мисс Миссури и мне, насколько далеки мы от цели. Знаю, что все испортила. Хочу, чтобы кто-то научил меня французскому шагу на подиуме. Злюсь на себя за провал в Dior. Но откуда мне было знать, как двигаться на подиуме, если мне этого не показывали? Чувствую себя в ловушке.

* * *

После беготни, продолжавшейся нескольких недель, я наконец-то попала на настоящую съемку для обложки журнала Girls. Поскольку это французский аналог журнала Teen в Америке, предполагаю, что это будет на высоком уровне. Стучу в дверь студии, и меня приветствует фотограф. Студия оказалась ненамного больше спальни. Кругом небрежно разбросаны пыльные реквизиты и осветительное оборудование, а пол покрыт мусором. Студия не отличалась порядком, как всякая другая студия, где я побывала.

Никаких гримерной, визажиста или парикмахера, а также никакого модельера. Сама делаю прическу и макияж, а фотограф сам утюжит одежду. Мои надежды на прекрасную обложку растворяются в мгновение ока.

Каждая толика воодушевления и надежды в ожидании великолепных модных фотографий в Париже терпит фиаско. Не думала, насколько Париж будет отличаться от привычной работы. Одно точно: я не та девушка, которая нужна Парижу.

Откуда мне было знать в столь молодом возрасте, что порой причины, по которым мы что-то делаем, вовсе не те, как мы думаем? Мне никогда не приходило в голову, что причина, побудившая меня приехать в Париж, может быть иной, чем желание стать успешной моделью. Как я могла предвидеть неожиданные результаты моих выборов и решений?

У меня не было никакого желания влюбляться в Париж или в кого-то еще, коли на то пошло. И не было программы обрести здесь свой внутренний мир. Я приехала сюда, чтобы сделать карьеру, и это означает только одно – проклятые ненадежные снимки. Никогда не искала славы. Это не мой путь. Мне хотелось свободы, независимости и ощущения достигнутого результата, будто я добралась до места назначения и полностью удовлетворена. Хотелось стабильного заработка, который позволил бы мне жить по-своему, чтобы никто не учил меня, как жить. Я поняла: если смогу встать на ноги благодаря работе, которую люблю, и провести фотосессии с лучшими из лучших дизайнеров, фотографов, визажистов, стилистов, то была бы счастлива, точно!

Ясно, что мне не хватает знания рынка, потому что все, что я делаю, совершенно не работает. В газетном киоске покупаю важные журналы моды, сижу в кафе, выпивая мой кофе с двумя кубиками сахара, и изучаю журнальные страницы. У всех моделей длинные прямые волосы, узкие бедра и ослепительно белые зубы. Мои волосы едва достигают плеч, и, хотя я довольно тонкая, мои тазовые кости шире, чем у девушек на фото. Ничего не могу поделать со своими тазовыми костями, но мне действительно нужно было поставить на зубы коронки, как рекомендовал мой голливудский агент. Скорее бы мои волосы выросли.

В то же время, пребывая в тоске и разочаровании, совершенно не замечаю, что постепенно влюбляюсь в этот город. Со временем Париж глубоко войдет в мою душу и станет частью меня.

Парижское кафе, 1980 год

Джулия на кушетке

– Ты и Скарлетт приглашены сегодня вечером на закрытую вечеринку. Наденьте платья и будьте там в девять, – говорит Пеппер, передавая мне мой список просмотров.

В течение всего дня в моем сознании мелькают удивительные образы предстоящей вечеринки. В точности как на фотографиях вечеринок на последних страницах журнала Vogue Paris: рок-звезды, художники, дизайнеры, всемирно известные фотографы – все будут там! По крайней мере, мне выпал шанс, чтобы отвлечься от реальности и блуждания по этому грязному городу.

В тот вечер Скарлетт слишком долго готовилась. Она напоминала копию моей мамы – вечно прихорашивается.

– Пойдем, Скарлетт, мы опоздаем. Пеппер сказала быть там в девять.

– Я делаю глаза. – Она сидит на кровати, прислонившись к ней и поглаживая ресницы тушью.

– Теперь все? – Я нервно расхаживаю по комнате.

– Мне нужно наложить тени и еще сделать прическу.

– Не обязательно доводить это до совершенства. Разве мы не можем просто пойти? Ты отлично выглядишь!

Мои доводы не заставляют ее ускориться. Мне приходится ждать. У Скарлетт свой стиль – думаю, потому что она с Тихоокеанского Северо-Запада, она прячет свое прекрасное тело под мешковатой одеждой любительницы природы. Клетчатые фланелевые рубашки и походные штаны являют полную противоположность ее суперженственному лицу и волосам. Хотя у нее определенно более практичная обувь. Мои черные замшевые туфли на каблуке с ремешком на лодыжке – это кошмар, и моя одежда тоже не работает. Все, что у меня есть, это футболки, пара малопривлекательных джинсов, две юбки, два свитера и мои цифровые часы Star Wars («Звездные войны»).

Мы находим адрес, который нам дала Пеппер, и это оказывается особняк, скрытый за высокими серыми каменными стенами. Мы звоним в домофон, и дворецкий открывает ворота, держа в руках бокалы с шампанским. Он ведет нас внутрь и берет наши пальто. Возникает мысль, что это не та вечеринка, которая мне грезилась. Она совершенно тихая, и нет молодых людей из мира моды – только пожилые бизнесмены. Двое из них подошли и поприветствовали нас по-французски, на что я отвечаю: «О, извините, я не говорю по-французски». Затем обращаюсь к Скарлетт: «Пойдем посмотрим на огонь», – и мы отходим к камину.

Я стою спиной к огню, осматривая комнату. И никак не возьму в толк. Группки бизнесменов стоят вокруг, беседуя и потягивая напитки. Большинство из них в костюмах, часть – в арабских одеждах с платками. Похоже, они только что закончили свои политические переговоры или что-то в этом роде.

Замечаю на кушетке молодую лежащую женщину. По-видимому, в прошлом она работала моделью, судя по ее поразительной красоте, но теперь она стала старше и более пышнотелой. Она смотрит на нас, словно сквозь густой туман. «Привет, девчонки...»

Мы подходим; Скарлетт остается стоять, а я сажусь на угол дивана, у ее ног. «Привет, я Джилл, а это Скарлетт».

Она слегка приподнимает голову и говорит:

– Вы здесь новенькие, не так ли?

– Новенькие? Вы имеете в виду в Париже? – спрашиваю я.

Ее голова поднимается и опускается, как будто она собирается потерять сознание. Она лежит на черной бархатной подушке.

– Я Джули. Я живу здесь.

– И как долго вы здесь живете? – интересуюсь я.

– Восемь лет.

Затем тихим шепотом она произносит:

– Не делайте этого. Вы застрянете.

Мы со Скарлетт переглядываемся. Джулия наклоняет голову, выкатив глаза на мужчин позади нас.

Она напоминает мне «потерянных девушек» Голливуда: группу моделей, в которую я старалась не быть втянутой. Некоторые из них обитали в особняке Playboy Mansion³, испытывая судьбу. Встретят ли они преуспевающего актера, чтобы жить долго и счастливо? Или они быстро попадут в постель богатого старика и наркозависимость? Некоторые становились дорогими проститутками, которые в конечном счете оказывались зависимыми от героина. Они застревали с этими мужчинами, потому что им нужны были наркотики, а потом, когда они утрачивали свою свежую здоровую внешность, их продавали другим мужчинам для секса. Если в Париже порядки вроде тех, что царят в Лос-Анджелесе, мужчина будет использовать ее какое-то время, а потом поделится ею со своими друзьями. Вколи ей наркотик и поимей ее. Девочек держали как домашних животных. Я не позволяла этому случиться со мной раньше и, конечно, не хотела идти по этой дорожке в Париже.

К счастью, Скарлетт шепчет мне на ухо: «Давай уйдем отсюда». Мы блефуем, спрашиваем, где находится туалет, и бросаемся к двери. Бежим по саду, за ворота и попадаем на улицу. Адреналин пронесся по моему телу, в то время как образы Джулии и этой комнаты, полной мужчин, мелькают в моей голове. Мы бежим так, будто спасаемся от опасности. Меня смущает, почему Пеппер отправила нас туда. В лучшем случае эти люди, возможно, владели крупными журналами, а в худшем – хотели заняться с нами сексом.

На следующее утро, вместе с моим списком просмотров, Пеппер вручает мне записку со временем и адресом еще одной вечеринки. Не уверена, что захочу пойти. Возможно, эта вечеринка будет другой. Я так и не рассказываю Пеппер о том, что произошло вчера вечером.

Нас со Скарлетт встречают в дверях еще одного великолепного особняка, где симпатичная мужская модель в черной кожаной куртке и джинсах приветствует нас и наливает каждой по стакану красного вина. Сегодня вроде получше, думаю я. Старомодный французский джаз и свет от свечей заполняют огромный зал со сводчатыми потолками. Темные деревянные столы и синие бархатные диваны дополнены богемной мешаниной текстиля и подушек.

Снаружи, на заднем дворе, полным ходом идет оживленная игра в подковы, гости смеются и обмениваются колкостями в азарте состязания. Там собрались великолепные модели и явные инсайдеры мира моды. Людей, связанных с модой, легко заметить по тому, как они одеваются и ведут себя. Если вы сами того же замеса, то сможете различить такого за квартал.

Мне представляется богоподобный мужчина, который спрашивает низким голосом с французским акцентом, не американка ли я:

– Êtes-vous américain, chérie? Je suis Jean Marie (Вы американка, дорогая? Я Жан-Мари).

Он наклоняется и целует меня в щеки медленно и мягко – не обычное быстрое чмок-чмок. Я полностью застигнута врасплох и реально ощущаю, как пульсирует мое влагалище.

Он, наверное, самый красивый человек, которого я когда-либо видела воочию. Чрезвычайно высокий и мускулистый, с каштановыми волосами, карими глазами и порочной улыбкой. Чувствую неожиданный прилив вожделения и действительно боюсь того, что могу сделать. Если сегодня вечером мы начнем целоваться, на этом определенно дело не остановится. Кажется, он повернул ключ в замке потайной двери моей сексуальности, и это меня пугает. Для меня секс – это все или ничего, и я спала только с одним мужчиной, Джеком. Пребываю в ужасе и радостном возбуждении одновременно. Всегда боюсь потерять контроль над сексуаль-

³ Особняк принадлежит Хефнеру, шефу-редактору журнала Playboy.

ными побуждениями моего тела и стараюсь держать его «под крышкой». Весь этот безумный конфликт – результат того, как проходило мое взросление, правда, пока я об этом не подозреваю. Оказывается, Жан-Мари – мужская модель и член французской олимпийской сборной по гребле. Неудивительно, что он такой импозантный. Нас приглашают в столовую, отвлекая от нашего вожделения. Можно облегченно перевести дух.

Хозяйка стоит за одним из многочисленных длинных столов, выстроившихся в столовой, и, ударяя деревянной ложкой по медной сковороде, кричит: «Bienvenue! Bon appétit!» («Добро пожаловать! Приятного аппетита!»). В центре каждого стола поставлены огромные миски со спагетти под красным соусом – просто и в то же время гламурно. Я сижу между Скарлетт и молодым французским парнем невинного вида по имени Анри. Мы неуклюже болтаем, преодолевая языковой барьер.

После обеда все перемешиваются, когда старомодная музыка сменяется французской эстрадой. Слышу разговоры о том, чтобы отправиться в клуб. Скарлетт присоединяется к другой группе, а я ухожу с Анри. Немного опьяневшая от вина, улыбаюсь ему и говорю: «Я пойду с тобой, только если смогу вести твою машину».

– Oui, bien sûr! (Да, конечно!), – говорит он с энтузиазмом. – Allons-y! (Поехали!)

У Анри крошечный красный Renault Le Car с механической коробкой передач, но ручка передачи находится не на полу, а выходит из приборной панели. Понятия не имею, как ей управлять. Мои инстинкты берут верх, и я разбираюсь на ходу, проезжая по кольцевой развязке у Триумфальной арки и вниз по Елисейским полям.

«À droite! À droite!» – кричит Анри, указывая направо, и «À gauche! À gauche!» – указывая налево. Мысленно делаю пометку, чтобы добавить их в свою коллекцию французских слов. Даже не догадываюсь, где припарковала машину.

Европейские дискотеки полностью отличаются от американских ночных клубов. Маленькие круглые столы для коктейлей установлены низко над полом, в окружении пурпурных бархатных пуфов, на которых сидят. Вместо рока или «новой волны» на танцполе вспыхивают электронные импульсы и цветные огни. Моя группа – VIP со своими шкафчиками для выпивки за стойкой бара. Бутылки ликера приносят с ведерками льда и миксерами. Девушки танцуют с девушками, некоторых из них я узнаю по фотографиям во французских журналах и чувствую уколы зависти. Помню одну из них, со светлыми волосами до пояса, – и тут я, с каштановыми волосами до плеч. Как бы то ни было, присоединяюсь и танцую часы напролет, пока не вспоминаю про раннюю деловую встречу.

– Скарлетт, я пойду домой! – кричу я и машу рукой, пытаюсь привлечь ее внимание.

Анри вскакивает. «Chérie (Дорогая), я отвезу тебя!» Испытываю облегчение от того, что мне не придется выяснять, как добраться домой. На внешней стороне стекла образовался лед, а обогреватель автомобиля затуманивает ветровое стекло, но приятно согревает мои ноги. Я сбрасываю туфли, расслабляюсь и любуюсь видами, пока он ведет машину.

Кафе ночью выглядят очень красиво, со стульями на столах, перевернутыми вверх ножками. На мокрой дороге отражаются цветные огни уличных щитов. Я забываюсь в этой красоте. Анри кладет мне руку на шею сзади. Думаю, он собирается погладить меня, но он хватает меня за волосы и сует лицом в свою промежность. Его штаны расстегнуты, и он возбужден. Из всех сил пытаюсь вырваться, но он крепко пихает мое лицо вниз на свой пенис всю дорогу к моей гостинице.

В ту же секунду, когда он останавливает машину, я выскакиваю, бегу к двери и яростно жму на звонок. Чувствую, что он идет за мной. Ночной портье открывает дверь, и я пробегаю с криком: «Нет, пожалуйста, не впускайте его!» Конечно, он не понимает моих слов. Анри преследует меня на лестнице, врывается в комнату и толкает меня на кровать. Он так быстро и резко рвет на мне блузку, что пуговицы разлетаются по всей комнате.

– Нет! Пожалуйста, нет! – кричу я.

Он засовывает свою руку под юбку, стягивая мое нижнее белье. Бью его в живот, и он отлетает к стене. Затем быстро встает и уходит. Запираю за ним дверь и падаю на кровать. Я лежу, противясь тому факту, что меня едва не изнасиловали. Выключаю свет и пытаюсь утихомирить этот ад. Когда представляю себе в деталях, что могло произойти, не могу с этим смириться. Пытаюсь избавиться от ужасающих картин, мелькающих в моем сознании. Я отчаянно пытаюсь переключиться.

Примерно через час приходит Скарлетт, тяжело дыша.

– Ты не поверишь, что этот подонок Анри делал со мной! Он нападал на меня в машине всю дорогу домой! Чуть не выпрыгнула на ходу. Этот парень извращенец!

– Я прошла через то же самое! Он пришел за мной сюда! Я сильно ударила его, и он наконец отстал.

– Что за люди? Больше не буду участвовать в вечеринках Пеппер, – говорит Скарлетт.

– Я тоже.

Нам не спится. Я просыпаюсь под звуки дождя, мягко стучащего по деревянным ставням, и натягиваю одеяло на голову. Возникают страшные воспоминания. Ощущаю, как он хватается меня за затылок и пихает мою голову вниз. Не могу остановить видения, поэтому встаю.

Мы настолько измучены, что почти не разговариваем за завтраком. Я хочу поговорить с Жеральдом или Пеппер о вечеринке, но сама не знаю, что хочу услышать от них. Кроме того, я не особо умею постоять за себя. Это умение так и не пришло ко мне. Чувствую собственную уязвимость и даже виню себя за случившееся. Зачем я только села в его машину?

Меня осеняет мысль, насколько я зависима от агентства. Они как псевдосемья, от которой зависит мое выживание. Я получаю от них работу, деньги, руководство и моральную поддержку, потому что не знаю никого в этой стране, кроме Скарлетт, и она тоже никого не знает!

Агентство имеет право поднять меня на вершину или удерживать на дне бассейна, чтобы утопить. Вижу, как новые девушки приезжают в город и Жеральд отправляет их прямо на съемку в Vogue без всякого собеседования. Он самый могущественный агент не только во Франции, но и во всей Европе. Журналы и фотографы спрашивают его мнение, каких моделей им следует использовать. Хотелось бы, чтобы он рекомендовал им пригласить меня.

Пеппер поднимает глаза, когда я направляюсь прямо к ней.

– Можем ли мы поговорить минутку? – спрашиваю я.

– *Bien sûr* (Разумеется), милая, но прежде, пока не забыла, Джилл, тебя отобрали для рекламной кампании La Redoute. Это хорошая новость, *chérie* (дорогая). Ты снимаешься на следующей неделе.

Я стою, дымясь изнутри, с пустым выражением на лице.

– Что случилось, разве ты не рада?

Не могу ей передать, что сейчас испытываю, поэтому говорю: «Я не могу больше ходить на вечеринки». И жду ответа. Она смотрит на меня округлившимися глазами, не двигаясь. Жеральд слышит наш разговор и подходит к нам. «Что это, Жиль? У тебя проблемы с моими вечеринками?» Он разозлен. Мое лицо вспыхивает. «Я не чувствую себя комфортно...» – «О, тебя не устраивает? Хорошо. Нет вечеринок – нет собеседований!»

Он разводит руками и возвращается к своему столу. Включает музыку на полную громкость, зажигает сигарету и берется за телефон. «Мне жаль, Джилл», – говорит Пеппер. Я испытываю внутреннюю дрожь. Глубоко вздыхаю. Знаю, если мне не нравятся местные порядки, есть сотни других моделей, которые хотят занять мое место.

Позже в тот же день звоню в агентство из телефонной будки, чтобы отметить, как делаю это каждый вечер. Пеппер отвечает и кажется расстроенной: «Эй, никаких назначений на завтра. И слушай, ты и Скарлетт возвращаетесь к работе только со мной. Жеральд больше не будет бронировать вас на мероприятия».

Его послание ясно.

– Хорошо, поговорим позже, – говорю я, чувствуя свое поражение. Она уже повесила трубку.

Я в папиной одежде пожарного, Дауни, Калифорния, 1965 год

Головастики

1960-е годы, Калифорния

Дауни, штат Калифорния, – мой родной город. Это всего в десяти милях к юго-востоку от центра Лос-Анджелеса, в окружении 5, 710, 605 и 91-й автострад. Дауни горячий, плоский и неподвижный.

Конкретно, я из Южного Дауни, который отличается от более красивого, безопасного и респектабельного Северного Дауни. Мой квартал находится вблизи местности Догпатч, получившей свое имя по названию банды. Недалеко находятся киностудия Paramount и город Комптон. Мой папа – пожарный в Уоттсе, пригороде Лос-Анджелеса, что находится в пятнадцати минутах езды.

В нашем районе бандитские разборки, сделки с наркотиками и домашние грабежи – обычные явления.

Помимо сомнительной местности и насилия за порогом моего дома, насилие было и внутри. Мои родители поженились, когда им было всего двадцать и двадцать один год, и у них сразу появилась моя сестра, а три года спустя и я. Они оба тянули за собой груз дурного, «токсичного» воспитания. Папин отец был жестоким алкоголиком, который избивал моего отца, а его мать была не слишком теплой и пушистой. Моя мама не выносила присутствия собственной матери, но любила своего отца. У моей бабушки был злой нрав, и она могла закатить гневную истерику. Мама всегда чувствовала, что ее мать больше любит младшего сына.

Хотя мой папа не проявляет такой жестокости с нами, как его отец, он пугает и может перейти от смеха к побоям в доли секунды. Никогда не знаю, когда это случится. Он может выйти из себя без всякого повода. Все мое детство ходила на цыпочках, чтобы избежать его гнева.

* * *

Когда мне было лет пять-шесть, мое любимое занятие – пройтись мимо соседнего квартала к молочной ферме «Лонгс Дери». Я карабкаюсь на крашенные белые заборы из еловой древесины и кричу коровам «му-у-у», пытаюсь заставить их мычать в ответ. Собираю горсть сена из-под ограды и снова взбираюсь на забор, чтобы покормить коров. Всегда выискиваю стельную корову, надеясь понаблюдать, как она телится. Теленок появляется в большом прозрачном мешке, который мама облизывает, пока малыш не очистится и не попытается встать на ноги. Мне нравится смотреть на телятницу, и мечтаю когда-нибудь подоить корову. Если у меня есть с собой припасенные монеты, то иду к киоску для проезжающих машин у главного входа и покупаю мороженое на вафлях.

«Таайти Виллидж» – мотель за нашим кварталом. Я перепрыгиваю через ограду соседей или прохожу до конца квартала по Роузкранс-авеню и поворачиваю налево, где большой деревянный мост образует арку над лагуной. Здесь есть факелы на бамбуковых подставках и старый корабль с огромной резной русалкой. Перехожу мост, иду через сувенирный магазин и попадаю в открытый атриум посреди двух этажей помещений с оранжевыми дверями.

Здесь находится тропический сад с пальмами и папоротниками и миниатюрным, заполненным водорослями искусственным ручьем в центре. Охочусь на головастиков. Крошечные головастики, головастики на полпути превращения в лягушат с лапками, крошечные лягушата и взрослые жабы – все шевелились и прыгали. Иногда гости мотеля давили некоторых из них на дорожке. Выживали самые приспособленные. Хватаю нескольких головастиков и лягушат, кладу их в карман или в пластиковый контейнер вместе с водорослями и спешу домой.

Выкладываю все в стеклянную миску, наполненную водопроводной водой, и помещаю ее под листья колоказии в палисаднике. Затем иду ловить мух. Хватаю мухобойку из кухни, бью мух на наших мусорных баках и кладу их головастикам и лягушатам.

Большинство из них умирают. Но некоторые вырастают во взрослых лягушек, прыгая в нашем палисаднике, пока не окажутся на улице, под колесами машин.

Я принадлежу к головастикам. Не до конца сформировавшаяся лягушка. Я всего лишь наполовину сформировавшаяся девочка, остановившаяся где-то между ребенком и взрослой женщиной. И нахожусь во власти моих воспитателей. Меня, как и головастиков, лишают среды, в которой я действительно нуждаюсь, чтобы вырасти. Мне нужна забота и свобода, чтобы развиваться и расти в нетоксичной экосистеме. Да, в этом есть и моя доля вины, ведь я забираю головастиков из их дома и кормлю мертвыми мухами. Стараюсь растить их, но делаю это скверно.

* * *

Обеденное время – сущий кошмар. Я исследую еду и проверяю ее на наличие брокколи или спаржи. У меня нет выбора и возможности отказаться от того, что ненавижу. Запивать молоком тоже нельзя. Поскольку я еще маленькая, стол доходит мне до подбородка. Мне надоело сидеть на стопках справочника «Желтые страницы».

Нервно смотрю на свою тарелку. Если не буду есть быстро, папа запустит таймер. Моя старшая сестра ест в тишине, оставаясь под его радаром. Мама возится у раковины и не приближается к столу, пока мы не закончим.

Папа устанавливает кухонный таймер, зеленый, как авокадо, и кладет его перед моей тарелкой. Пять минут. Я сижу, словно замороженная, наблюдая, как он тикает, и пытаюсь набраться мужества, чтобы проглотить проклятую брокколи. Дин! «Черт возьми, Джилл!» Он выдергивает меня из моего стула за локоть и пихает меня на кровать в темной спальне.

«Спускай штаны!» Я подчиняюсь и сажусь на край кровати. Он сильно шлепает меня по каждому костлявому бедру. Сначала они болят, потом горят, как огонь. Закрываю глаза от ужаса, стараясь не развалиться, и душевная боль мучает меня сильнее, чем неприятные пульсирующие ощущения в ногах.

«Иди съешь свою проклятую брокколи!» На теле выступают красные рубцы в форме ладони. Иногда утром они превращаются в синяки. Задерживаю дыхание, насколько могу, и тихо плачу, чтобы он не ударил меня за слезы. Мой плач делает его еще безумнее. Пытаюсь контролировать свое дыхание, вдыхая воздух небольшими порциями, чтобы он не заметил, как я всхлипываю. Я подавлена. Мое лицо становится влажным от слез и соплей.

Тороплюсь к своей тарелке и сижу в испуганном, молчаливом трансе – состоянии повышенной готовности и отстраненности. И снова пытаюсь проглотить брокколи, когда он вновь устанавливает таймер.

* * *

Мама и папа сильно шумят в спальне. Мы понятия не имеем, что там происходит, но нам это не нравится. Я приставляю стакан к двери, чтобы послушать. Все равно не понимаю. Влезаю на шкаф и подслушиваю через вентиляционное отверстие. Это звучит просто мерзко.

Они одержимы сексом и не ограничивают себя спальней. Мама ходит по дому в шелковой рубашке, обнаженная внизу. Она не завязывает бант на груди, потому что папа все равно его развяжет. Он не может не схватить ее обнаженное тело, не сосать ее груди, не похлопать ее попку и не тянуть ее киску за волосы. Он часто это делает за обеденным столом, откуда мы ни при каких обстоятельствах не можем уйти. Когда я умоляю его остановиться, он смеется

так, будто доволен реакцией, которую у меня вызывает. Он подавляет маму, убедив себя в том, что она глупа.

Сразу после этого он начинает говорить:

– Девочки, разве ваша мама не красавица? Посмотрите на ее сиськи, они идеальны.

Женщины существуют ради секса, а не ради их ума или души. Женщин любят за их красоту и за то, что они дают мужчинам секс, которого те постоянно жаждут.

– Да, она хорошенькая, – отвечаем мы.

Папа любит порнографию. Порножурналы разбросаны по всему дому. Penthouse и Oui – в их спальне, Playboy – на кухонной стойке и стопка откровенно пошленьких – под раковиной в ванной. Он читает Playboy, пока я ем свой завтрак. Он уходит на пожарную станцию очень рано, и все, чего я хочу, это побыть с ним. За тостами и кофе мы обсуждаем увлечения девушки с центрального разворота.

Коробки с порнофильмами хранятся в гараже, но мои родители не догадываются, что мне это известно. Журнальные развороты, целиком заполненные обнаженным телом, прищиплены на стены гаража, как обои. Папа в деталях делится со мной своим мнением о частях тела каждой женщины. Когда его друзья бывают в гараже, он говорит о каждой из женщин, глядящих со стен, будто лично их знает. И выдает каждой девушке порцию критики.

Я ложусь в свою кровать, а папа приходит и ложится на меня сверху, устраивая ловлю. Он хватает мои костлявые запястья своими массивными ручищами и бросает их мне на голову, сжимая так сильно, что кажется, мои суставы будут вывихнуты. Другой рукой он «щекочет» меня, перебирая пальцами между моими ребрами и засовывая их в мои подмышки. В продолжение этого он дико меня вылизывает по всей шее, лицу и глубоко в ушах своим жестким, влажным языком, пока я не начну пылать горячей пылью от его бороды. Из всех сил пытаюсь кричать – он закрывает мне рот. И смеется, испытывая от этого дьявольское наслаждение.

Когда он наконец уходит, от меня пахнет его слюной и кремом после бритья, и мне тошно до рвоты. Я плачу, но мама никогда не приходит. Пробираюсь в ванную, чтобы посмотреть на себя в зеркало, потому что шея горит. Моя шея, щеки и уши ярко-розовые, с маленькими красными точками крови, пробивающимися на поверхность. Кладу холодную влажную мочалку на шею, чтобы охладить ее, и моюсь с мылом, пытаюсь избавиться от гнилостного запаха. Мои детские переживания внедряют в меня какой-то ужас и стыд по поводу секса. Мне потребуются десятилетия, чтобы выздороветь.

* * *

Пожарная станция в Уоттсе как второй дом для меня. Став капитаном пожарной команды, отец отправляется туда даже в выходные. Он проверяет парней, получает зарплату, оформляет документы, и, поскольку повсюду берет меня с собой, я тоже иду с ним. Мне нравится пожарная станция, и мне комфортно в комнате, где полно пожарных.

Они позволяют мне подниматься на грузовик, соскальзывать вниз по лестнице и даже бить по боксерской груше в спортзале. Однажды, когда я находилась в его кабинете вместе с еще одним пожарным, папа говорит: «Знаешь, Джилл развивается». В смысле моей груди. Я паникую и хочу испариться. Понятия не имела, что он знает. Но почему он говорит кому-то об этом?

Я еще подросток и начинаю становиться девушкой. Папа смотрит на мое тело и изрыгает саркастические, сексуальные комментарии и критические замечания. Это заставляет меня стесняться, будто за мной постоянно подсматривают. Однажды, когда мы ездили кататься на водных лыжах на реку Колорадо, он начал обсуждать мое тело с другими подростками, мальчиками и девочками. Я так разозлилась, что набросилась на него с кулаками. Он такой большой и сильный, что легко ловит их в воздухе, показывая всем мое бессилие. И проделывает эти мерзкие штуки многие годы.

Время шло, летели годы. Как-то раз, после одного из его похотливых комментариев, я живо помню, как в одиночестве падаю на четвереньки у очага камина и колочу по твердому камню, пока мои руки не опухли и не покраснели. Корчусь всем телом, пока из глубины души не вырывается душераздирающий вопль. Я выкрикиваю, обращаясь к Богу: «Почему Ты не дал мне отца, которому могу доверять? Почему Ты дал мне извращенца»?!

И реально слышу голос внутри меня: «Не он твой отец, а Я». Это дает мне повод задуматься. Пишу папе письмо и предупреждаю: если он когда-нибудь снова заговорит о моем теле, то никогда больше меня не увидит. Он на время успокаивается, но я всегда начеку.

Мама эмоционально отсутствует. Она не имеет той привязанности к своим двум дочкам, какую проявляет к своим маленьким собачкам. Она избегает нас, укрываясь в ванной или спальне. Уверена, что она сожалеет о нашем появлении. Мне хочется поиграть с ее украшениями, косметикой и одеждой, но мне запрещено прикасаться к ним. Когда мамы нет дома, я изучаю и трогаю все ее вещи, осторожно, чтобы вернуть их на место. Так чувствую себя ближе к ней. Я сильно, до боли, нуждаюсь в ее любви и привязанности. Стараюсь не беспокоить ее. У нее злой нрав, но я не так боюсь ее, как папу.

Единственный человек, которого мы приветствуем в нашем доме, – это женщина, проносящая продукцию фирмы Avon. Мне не разрешают приводить домой друзей, что ставит меня в неловкое положение, потому что мне приходится объяснять, почему они не могут прийти поиграть и почему я могу играть только в их домах. В конце концов мама нашла работу, думаю, чтобы быть подальше от нас с сестрой.

* * *

Когда я была маленькой девочкой, мой отец стал первым героем для меня. Он был пожарным, вероятно, на самой опасной станции в стране. Борьба с беспорядками в Уоттсе в 1965 году, родовспоможение, перевязка колотых и огнестрельных ран лишь часть его работы. В сезон локальных пожаров он пропадал неделями. Возвращаясь домой, он бросает свои сырые, испачканные пеплом сапоги и форменный плащ на крыльцо, а шлем – в мойку на кухне. От усталости он с трудом двигается и весь пропах дымом.

Папа научил меня ремонтировать автомобили и дома и продавать их с прибылью. Я была его чернорабочим в малярном бизнесе, помогала чистить бассейны. Мы даже занимались уборкой в обгоревших домах и обшивали их досками. А дома он учил меня готовить еду и проверять баланс банковских счетов. Все это внушило мне уверенность, что смогу заняться любой работой, которая подвернется.

Мягко говоря, мои чувства к отцу были противоречивыми. Я любила и в то же время боялась его. Казалось, отец все знал и научил меня столь многому, но именно он причинил мне боль и испортил мое представление о ценности и роли женщины в мире.

Позирую для школьной фотографии, в платье, которое сама сшила в возрасте пятнадцати лет

Девушка, которая одевается странно

1970-е годы, Калифорния

В седьмом классе я знакомлюсь с девочкой, которая выворачивает наизнанку мою странную, изолированную жизнь. Келли – мой первый настоящий друг. Она позволила ребенку внутри меня выйти из клетки, и этот ребенок уже не вернется туда. Никогда.

Поскольку друзей не допускают в мой дом, я все время хожу к Келли. Ее дом полная противоположность моему и наполнен миром, любовью и смехом. Ее родители не кричат, и в семье не происходит никаких жутких сексуальных сцен. Не могу поверить, что такое возможно. Там я чувствую себя в безопасности. Мы общаемся, слушаем альбомы, устраиваем кавардак в кухне и не спим всю ночь. Ее родители даже говорят: «Доброе утро, дорогая». *Это по-настоящему?*

Ночью мы убегаем на кладбище и взбираемся на огромный дуб посередине. Высоко в ветвях мы чувствуем себя в безопасности, курим косяк / сигарету с марихуаной и так надрываемся от смеха, что наши желудки начинают болеть. Она рассказывает мне истории о призраках, настолько ужасные, что мы кубарем скатываемся с дерева и пробегаем по жутким гранитным надгробным плитам (клянусь, что там был туман) до самого ее дома.

Мы лазаем по деревьям в Золотом парке, взбираемся высоко вверх, подальше от членов банды внизу, и вырезаем наши инициалы на ветвях. Рисуем мультяшные карикатуры на своих учителей и ходим за покупками в благотворительный магазин. Ее креативность подпитывает мою. Я иду в церковь с ее семьей, что для меня совершенно внове. Мои родители ненавидят религию и нетерпимо относятся к моему интересу к Богу.

Не считая моей бабушки, Келли была моим первым опытом любви. Она полностью изменила мою жизнь и стала первой из многих замечательных друзей, которые у меня есть сегодня. Думаю, она спасла меня. Серьезно.

* * *

Мои родители скопили достаточно денег, чтобы купить дом в более красивом, безопасном Северном Дауни. Это, может быть, всего в четырех милях, однако здесь совершенно другой мир. Из-за этого переезда у меня появился выбор из двух старших школ. Я иду в Уоррен-Хай, а не в Дауни-Хай, как все мои одноклассники. Хочу положить конец группировкам и давлению со стороны сверстников и думаю, если пойду в новую школу, могу быть сама собой, что бы другие дети ни говорили об этом.

Со свободой, которая приходит с анонимностью, я попадаю в десятый класс как образчик своеобразной моды. Совершенно не подозреваю, что я – прирожденный дизайнер моды. Не понимаю, почему вынуждена конструировать и каждый день шить новые костюмы для школы.

Часы пролетают, а я шью, забыв про сон и потеряв счет времени. Наконец-то мое сверх-активное воображение имеет цель. В понедельник одеваюсь как кинозвезда сороковых, а всю оставшуюся неделю – домохозяйка пятидесятых, моряк, норвежский молочный фермер, глэм-рокер... включая прическу и макияж. Для облика глэм-рокера в стиле Боуи я покрываю свои высокие платформы пайетками и блеском, используя зубочистки и клей.

Вскоре меня называют «девушкой, которая одевается странно», но мне это все равно, потому что всю наслаждаюсь своей креативностью. В конце концов ребята привыкают, и это хорошо, потому что я не собираюсь останавливаться.

Хочу пригласить Келли на школьный вечер выпускников с танцами, так как я не готова встречаться с мальчиками. Наслаждаюсь идеей предстать в образе парня, в смокинге и цилин-

дре. Мы приходим на танцы, одетые как пара – я в костюме, с бабочкой и в цилиндре, а Келли в черном платье. Учителя думают, что мы лесбиянки, и не пускают нас, поэтому нам приходится пробираться довольно долго, чтобы сфотографироваться. После фотографий три учителя прижимают нас к стенке и кричат: «Нельзя приходить на танцы без партнера!» Тогда я говорю: «Она мой партнер». Нас окружают наши друзья, сердито споря с ними. Когда учителя угрожают позвонить в полицию, мы с Келли уходим, чтобы наших друзей не арестовывали. Ходят слухи, будто я лесбиянка, но мне наплевать на это.

Хуже всего то, что после этого случая мои родители запрещают мне видеться с моей лучшей подругой. Я опустошена. Скучаю по ней и плачу каждую ночь. Иногда, когда мои родители засыпают, выскальзываю из дома и встречаюсь с ней за углом, чтобы поговорить, но наши отношения уже никогда не будут прежними. Она не может понять, почему мои родители не любят ее, и я тоже не могу. Стыд окрашивает мои эмоции. Я не в силах ничего изменить. Она самый лучший, самый честный человек, которого когда-либо знала. Моя тоска по ней никогда не проходит.

Переживая эту большую потерю, я развиваюсь по-новому и открываю для себя новые вещи. Поцелуи с мальчиками – во-первых, а живые рок-концерты – во-вторых. Поскольку Лос-Анджелес – музыкальная столица мира, любая известная группа приезжает в наш город, и я посещаю множество концертов. Неукротимая, живая рок-музыка делает мою душу свободной, в то время как наряды, которые носят Дэвид Боуи и Фредди Меркьюри, вдохновляют мое воображение и служат оправданием моего уникального творческого самовыражения.

К шестнадцати годам моя главная цель в жизни – уйти из дома, поэтому у меня есть две работы: учу детей плавать в бассейнах на задних дворах по всему округу Лос-Анджелес и работаю продавщицей в бутике под названием Nobby's.

* * *

В семнадцать лет я должна окончить старшую школу. Хочу поступить в Институт дизайна и мерчандайзинга моды (FIDM), но мои родители считают, что это слишком дорогое удовольствие и я не буду всерьез заниматься карьерой дизайнера, поэтому они не хотят платить за обучение. Вместо этого посещаю муниципальный Серритос-колледж.

В колледже я вскоре замечаю высокого мужчину в клетчатой фланелевой рубашке, который покупает кофе в кафе кампуса. Со мной случается небольшой сердечный приступ, когда он спрашивает, можно ли сесть рядом со мной. Это мой первый серьезный парень, Джек, – блестящий механик. Его губы одновременно и сладкие, и соленые. Он изгоняет из меня страх перед сексом, и я преподношу ему свою девственность на серебряном блюде в задней части его грузовика на сеансе кино для автомобилистов и сразу наивно залетаю. Мама никогда не разговаривала со мной о сексе или предохранении, и я была невежественна в этих вопросах.

Я не могу сообщить моим родителям о своей беременности, и мне не к кому обратиться. Джек устранился. Уверена, он напуган, но чувствую себя всеми покинутой. Отправляюсь в клинику аборт USC и лежу в одиночестве на холодном столе из нержавеющей стали, полная стыда и ненависти к себе. Без наркоза доктор открывает мою матку и вычищает ее. Я меняюсь навсегда. Больше нет невинного младенца. Это моя вина.

Мы с Джеком продолжаем наши отношения, используя средства контрацепции. Тем не менее в нем постепенно пробуждаются ревность и собственнический инстинкт. Он думает, что моя одежда обнажает слишком много тела, и не хочет, чтобы я ходила на пляж или в ночные клубы с кем-нибудь из моих друзей-парней. Мне не нравится, когда меня начинают учить жизни, но, стоит мне оторваться, он держит меня еще крепче – буквально. Однажды начинает из ревности кричать на меня в своей быстроходной машине и ведет ее так быстро, что я даже не могу выскочить на знаке остановки. Когда он, наконец, останавливает машину,

его мускулистая рука сжимает мою руку так крепко, что не могу шевельнуться. Его стремление контролировать мое поведение на время отталкивает меня, но, когда он возвращается и плачет, я снова прыгаю в его постель, не понимая разницы между насилием и любовью и тем самым усугубляю путаницу вокруг собственных желаний и сексуальности.

Лодочный спорт, парк Марин Стадиум, Лонг-Бич, 1978 год

Модельное агентство La Model

1977 год, швейный квартал Лос-Анджелеса

Бутик Nobby's закрывается, поэтому я работаю официанткой в местном гастрономе и девушкой в стеклянном ящике в супермаркете. Но жажду вернуться в бизнес моды. Просматривая объявления о найме в газете Los Angeles Times, нахожу одну вакансию: компании требуется модель для подгонки купальных костюмов. Понятия не имею, что такое модель для подгонки, но, во всяком случае, пойду и выясню.

Компания High Tide Swimwear находится на Бродвее в швейном квартале Лос-Анджелеса – дымка смога, развязки автострад и небоскребы. Бездомные люди с тележками, наполненными скарбом, тянутся вдоль заваленных мусором улиц. Бесцветные здания покрыты граффити с метками банд.

Ограда с колючей армированной лентой по верху окружает мой пункт назначения, а окна закрыты решетками. Припарковав свой красный спортивный автомобиль Datsun 240Z на улице перед закопченной крепостью, звоню по домофону у металлической двери.

Я встречаюсь с рыжеволосой женщиной по имени Аллейн, с сильным техасским акцентом. Ей около тридцати пяти лет, и она выглядит круто в узких джинсах, сапогах на высоком каблуке и длинном пальто из меха красной лисички. Почему-то на петличке ее джинсовой рубашки висит круглая граненая хрустальная подвеска от люстры. Она меня заинтриговала.

Ее дизайнерская студия – яркая белая комната с серым промышленным ковролином. Стойки на колесиках забиты купальниками, а эскизы моделей прищиплены к стенам. Цветные маркеры разбросаны по ее белому столу, плюс пластиковая тарелка с ребрышками барбекю, бобами и початком кукурузы и кока-колой.

Она берет со стеллажа отдельный купальник.

– Вот, дорогая, примерь это, раздевалка там, – она указывает на небольшую кабинку.

Я надеваю бикини и выхожу.

– О, ты просто маленькая Овечка! (Она так называет меня и сегодня.)

Она берет сантиметровую ленту и протягивает ее между моими ногами и через левое плечо, чтобы получить измерение туловища. Затем измеряет расстояние между моими сосками, а также снимает обычные мерки бюста, талии и бедер.

– Ты идеальна! Не могу в это поверить! Ты хоть представляешь, скольких девушек я измерила за последний месяц? Это потрясающе, перезвоню тебе сегодня.

Когда она звонит позже, чтобы предложить мне эту работу, я торгуюсь с ней и поднимаю оплату с 3,75 до 4,25 доллара в час.

Моя работа в качестве модели для подгонки заключается в примерке купальников, в то время как Аллейн или лекальщик скалывает их булавками, режет, пишет на них, чтобы усовершенствовать конструкцию или подогнать детали. Аллейн работает с зажженной сигаретой во рту. Ее руки дрожат, когда она сосредоточивается и разговаривает с купальником. «Давай, ты, ублюдок», – говорит она, натягивая ткань, разрезая и сажая ее на булавки.

– Хорошо, это выглядит лучше. Повернитесь, Овечка, дай мне посмотреть сзади.

Между подгонками я хожу по офису в ярко-розовом халате, чтобы всегда быть готовой переодеться.

Когда нет примерок, крою образцы. Водружаю массивные рулоны ткани длиной по пять футов на свой раскройный стол и экономично раскладываю лекала. Я использую тяжелые железные гири в качестве грузиков, чтобы выкройки не смещались. Затем обвожу детали черным маркером или белым портновским мелком, снимаю гири, скалываю слои булавками и крою.

Затем собираю все обрезки вместе с выкроенными деталями и складываю их в пластиковый пакет Baggie с ксерокопией спецификации. Теперь пришло время нарезать «спагетти», используемые для шейных и задних завязок. Это просто головная боль. Идеально параллельные полосы лайкры размером 152,5 см на 52,5 см – это проклятие моего существования, потому что лайкра ускользает из-под моих ножниц во время кроя. На моей правой руке полно мозолей и волдырей, но мне все равно, потому что я люблю свою работу и мне нравится мой наставник Аллейн.

Работая в High Tide, узнаю, насколько разнообразна и всеобъемлюща индустрия моды. Все приветствуются, будь вы гей, транссексуал, традиционной ориентации или выходец из любой страны на свете. Такой проблемы не существует.

Мне исполнилось восемнадцать лет во время моего второго года работы в High Tide. Мы снимаем нашу рекламную кампанию, и моя задача состоит в том, чтобы организовать процесс и посадить костюмы на двенадцать моделей. Никогда не была в настоящей студии голливудского фотографа, поэтому по секрету выясняю все необходимое. Я просто модель для подгонки у конструктора одежды, а не настоящая фотомодель. Внезапно раздается громыхание на съемочной площадке, когда Рон Харрис, фотограф, прямо в студии увольняет модель за ее маленький рост, а затем орет мне в гримерку на верхнем этаже:

– Эй, почему ты не в костюме?

Так все и началось. Я готовлю кампанию, а затем прошу президента High Tide платить мне такую же сумму, как и другим моделям, и договариваюсь о 800 долларах за день работы. Это намного больше, чем 4,25 доллара за час. Если мне этого хватало на жизнь, вероятно, смогу сама оплачивать учебу в школе дизайна одежды в FIDM. Я ушла из Серритос-колледжа, потому что узнаю намного больше из практики, работая в швейной промышленности.

Я решаю обзавестись агентом и прохожу собеседование в четырех ведущих голливудских агентствах. В трех местах меня берут. Выбираю то из них, которое, по моему мнению, проводит больше фотосъемок. В High Tide мне позволяют отлучаться, когда у меня просмотры или заказы на мероприятия, поэтому продолжаю работать на обеих работах и учу плавать по выходным.

Мое новое модельное агентство находится в Голливуде. Темный ковер в пятнах и искусственные панели «под дерево» – таковы особенности дизайна небольшого офиса. Мириам, руководитель агентства, сидит за своим столом спиной к окну, выходящему на Сансет-Стрип. Бумаги и сигаретный пепел покрывают ее стол. Черно-белые фотографии моделей размером восемь на десять дюймов приколоты по всем стенам. У нее темные волосы, широкий нос, жирная черная подводка глаз и глубокий, резкий голос.

По-видимому, мне потребуется сделать множество разных вещей. Она отправляет меня к стоматологу, посмотреть мои тетрациклиновые⁴ зубы. Стоматолог рекомендует надеть на них коронки, а это означает, что мои зубы стачивают до основания и ставят искусственные. Я не готова к такому шагу. У меня на зубах серая полоска, но они крепкие и здоровые. Чувствую, что совершу предательство, если надену на них коронки. Вместо этого он отбеливает их, что в семидесятые годы ужасно болезненно и не дает стойкого результата.

Затем пластический хирург удаляет родинку у меня на подбородке. Он говорит, что она может стать злокачественной, поэтому соглашаюсь. Они хотят удалить еще и родинку на щеке, но я отказываюсь.

Затем Мириам отправляет меня в Беверли-Хиллз к парикмахеру по имени Карло. Уж не знаю, почему так действует шампанское, но я настолько расслаблена этим вечером в его салоне, что разрешаю ему срезать мои волосы до короткой мальчишеской стрижки.

⁴ Тетрациклиновое окрашивание зубов («тетрациклиновые зубы») – это изменение окраски цвета зубов в результате приема антибиотика. – *Примеч. ред.*

Я не подозреваю, что Мириам раньше возглавляла агентство, которое поставляло сексуальных девушек для порнографического журнала. Итак, естественно, мое первое интервью с Фредериком из Голливуда. Он продает порнографическое нижнее белье. Мне это известно, потому что мои родители получают его каталог. Мириам идет вместе со мной на встречу с Фредериком, который велит мне надеть крошечную, прозрачную леопардовую вещичку с отделкой черным кружевом. Я должна переодеться в кабинке рядом со столом Фредерика, за жалюзийной дверью, которая, уверена, просматривается насквозь.

Чувствую безумную тревогу и неловкость по поводу непристойного наряда и кабинки, тем не менее заставляю себя сделать это. Робко выхожу, практически обнаженная, а Фредерик и Мириам изучают меня сверху донизу и просят меня повернуться. Ощущаю себя шлюхой и внутренне паникую. Они сходятся во мнении, что, хотя мое тело идеально подходит для демонстрации нижнего белья, однако в свои восемнадцать лет у меня слишком много детскости в лице для рекламы его продукта. Слава Богу.

Мириам ангажирует меня на затрапезные мероприятия, такие как собрания водителей автомобилей и грузовиков, где я должна быть одета в красно-бело-голубой обтягивающий комбинезон из полиэстера на молнии спереди. Она отправляет меня в номера отелей и мотелей по всему Голливуду, где иногородние клиенты проводят отрывочные собеседования.

Иногда это вовсе не интервью с предложением реальной работы. Это просто мужчины, которые ищут секса.

Я иду в дом в Бел-Эйре, где меня встречает мужчина в своем доме, похожем на логово льва. По какой-то причине всю стену за его столом занимают глянцевые фотографии девушек размером восемь на десять дюймов, и это пахнет дорогой проституцией. Мой папа рассказывал мне десятки случаев, когда он спасал таких девушек от передозировки наркотиками и о вызовах на самоубийства – информация, которая остается со мной и, вероятно, удерживает меня от дурной дорожки в обозримом будущем. Мужчине около сорока лет, у него темный загар, лохматая шевелюра и волосы на груди, выбивающиеся наружу поверх рубашки. У него нет реального товара для продажи. По зрелом размышлении понимаю: я и есть тот товар, который он намерен продать. Он хочет взглянуть на меня в бикини.

Мириам отправляет меня в высотное здание прямо на пересечении Голливудского бульвара и Франклин-авеню, где мужчина, одобрив мое тело в бикини, говорит мне, что я буду сопровождать его в Лас-Вегасе в качестве эскорта. Замечаю, что человек на фотографиях за столом не соответствует мужчине, которого вижу перед собой. Пытаюсь убежать, но он запер дверь. Отчаянно умоляю его открыть дверь. Он наконец смягчается, и я несусь к своей машине на подземной парковке и сообщаю охраннику об этом инциденте. Ему нет дела до пережитого мной испытания. С колотящимся сердцем торопливо уезжаю.

Мириам считает, что было бы хорошей идеей для меня поучаствовать в телеигре семидесятых *The Dating Game* («Игра в знакомства»). Многие актеры используют ее как инструмент рекламы. Соглашаюсь без всякого намерения искать себе партнера. Моя цель – выбрать парня с наименее извращенными ответами. Мой парень, Джек, с которым пытаюсь порвать в это время, говорит, что если это сделаю, то нашим отношениям конец, – еще одна причина, по которой я иду на шоу.

На собеседовании для каталога универмага встречаюсь с очень редким явлением – женщиной-фотографом. Оглядывая стены ее студии, вижу модные фотографии, но также и сексуальные снимки. Просматривая мой бук, она говорит: «Знаешь, я снимаю и для *Oui* [порножурнал] и хотела бы привлечь тебя». Я теряю дар речи, чувствую сердечный приступ и выбираюсь оттуда настолько быстро, насколько позволяет вежливость, воображая грязные порнографические фото в доме моего папы.

Позже Мириам звонят из журнала *Oui* и предлагают 25 000 долларов за использование на обложке фотографии купальника из моего портфолио. Я паникую. Мне нужны эти деньги, но у меня все нутро содрогается. Не хочу, чтобы моя репутация была запятнана участием в порнографических журналах. Как можно рассчитывать на лучшую работу для добропорядочных общеамериканских брендов, если позволю им использовать мою фотографию? Кроме того, у меня стойкое отторжение, потому что всю жизнь наблюдала папину одержимость порно. И категорически отказываюсь от их предложения.

Вскоре после этого меня приглашают в ролик национальной рекламы для бренда Sprite, где работаю вместе с группой других молодых, подтянутых актеров со свежими лицами. Одна девушка очень похожа на меня.

Я выкладываю ей свою дилемму по поводу сексуальных просмотров Мириам, и она предлагает мне попробовать обратиться в ее агентство – *Wilhelmina*, недавно открывшее филиал на Западном побережье. Модели *Wilhelmina* в Нью-Йорке представляют некоторые известные имена – от Патти Хансен и Джии Каранджи до Шон Кейси и Джулии Фостер.

Надеюсь когда-нибудь поработать в Нью-Йорке, и поскольку там есть офис агентства *Wilhelmina*, то легко смогла бы туда отправиться. Мне до смерти хочется сниматься у знаменитых нью-йоркских фотографов вместе с известными моделями, которые были на пике популярности в то время, такими как Ким Алексис, Кэрол Альт, Келли Эмберг, Эсме Маршалл, Беверли Джонсон, Дженис Дикинсон, Иман, Кристи Бринкли, Биттен Кнудсен, Тара Шеннон и Брук Шилдс.

На следующий день отправляюсь в агентство, и они в офисе подписывают со мной контракт. Порнографические просмотры исчезают, и я выступаю моделью только для легальных клиентов моды: газеты *California Apparel News*, журнала *Women's Wear Daily*, компаний по производству купальных костюмов, каталогов универмагов, газетных рекламных объявлений, телевизионных роликов, а также участвую в роли модели в ток-шоу.

Меня даже приглашают на гламурные голливудские вечеринки. Больше всего люблю дискотеки на роликах на катке «Флипперс» в Западном Голливуде. В нашей группе Патти Хансен вместе с Робинот Уильямсом, который, полагаю, встречается с моим агентом Молли. Телешоу *Mork & Mindy* (с Робинот Уильямсом и Пэм Добер в главных ролях) – это хит того времени, и даже у Пэм Добер подписан контракт с агентством *Wilhelmina*. Нужно признаться, что нахожусь под впечатлением от встречи со звездами.

Несколько месяцев спустя Жеральд Мари, глава *Paris Planning*, родственного агентства *Wilhelmina*, приезжает в США для рекрутирования моделей, и я прохожу кастинг. Мой план – отправиться в Париж, чтобы поработать с *Vogue Paris*, *Elle France* и любым другим топ-журналом, конечно, я одета в творения парижской моды – *Paris Couture*, а затем вернуться в Нью-Йорк и работать вместе с моими любимыми моделями.

Вот таков был план.

В наряде от Kenzo для книги Люсиль Хорнак Fashion-2001, 1980 год

Витражи

Март 1980 года, Париж

Прошло всего несколько недель с момента моего прибытия в Париж. Много дней по утрам я направляюсь прямо в агентство, если только Пеппер не предоставила мне накануне список просмотров или меня не забронировали для работы. До сих пор мне достаются не те заказы, о которых мечтала, но мне нужно трудиться и надеяться, что даже на нестойкой работе смогу завязать полезные связи и двигаться вверх по скользкой и крутой лестнице модельной карьеры.

Входя в агентство, мгновенно ощущаю в комнате импульс напряжения.

Что-то здесь не так.

Вместо лихорадочного жужжания и криков воцарилась гробовая тишина. Настроение мрачное. Пеппер отрывает взгляд от стойки и жестом подзывает меня. Когда я приближаюсь, она шепчет: «Вилли умерла».

– Что? Как? – Не могу в это поверить. Вильгельмине было всего сорок, и она была движущей силой агентства. Как она могла умереть?

– Рак легких. Позвоню тебе позже, – тихо говорит Пеппер.

Спускаюсь по лестнице и направляюсь к Нотр-Дам. Великолепные витражи ярко сияют в огромном тусклом пространстве. Молитвы священников отражаются от известняковых стен и эхом разносятся по всему собору. Я зажигаю свечу и встаю на колени.

Вспоминаю свою единственную встречу с Вилли и не могу избавиться от вида ее костлявых пальцев и пепельной кожи. Я не знала о ее болезни, но она действительно выглядела плохо. Интересно, как сейчас она отнеслась бы к модной индустрии? Рада ли она, что большую часть своей жизни отдала работе в моде? Стоила ли игра свеч? Не знаю, есть ли Бог и слышит ли он меня, но прошу его помочь мне добиться успеха в Париже.

Смотрю на мерцающие свечи и красивые витражи и думаю: *здесь нет никого, кто по-настоящему меня знает, даже Скарлетт не в счет. Я на другой половине земного шара, вдали от всех родных и друзей. У меня дома у каждого члена семьи есть мнение о том, кем я должна быть, но здесь никто не имеет ни малейшего представления обо мне. У меня нет контактов со сверстниками. Кажется, измени я свою личность, никто бы даже не заметил. Во мне бушует лихорадка свободы. Я возбуждена. В моем теле легкость. Мое сердце расширяется. Я могу быть грубой. Могу быть своенравной. А может, мне пора начать спать с кем попало или курить. И обязательно начать ругаться. Возможности безграничны.*

Я покидаю собор и по дороге в отель покупаю пачку сигар ручной скрутки. Расслабляясь на провисающем гостиничном матрасе, зажигаю сигару и размышляю над своими вариантами с порочной улыбкой.

Скарлетт и я в отеле Andrea, Париж, 1980 год

Отель Andrea – отель Le Bon

Мы со Скарлетт радостно забираем в агентстве наши первые чеки за работу, но, открыв конверты, обе ошарашены. Суммы оказались намного меньше, чем мы ожидали. Сразу же идем на нижний этаж к женщине-бухгалтеру, чтобы выяснить, в чем дело. Мы с трудом понимаем миниатюрную парижанку, которая с невинным видом на ломаном английском говорит что-то вроде: «Ну, вы должны нам за гостиницу и билет на самолет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.